

АЛИ САФАРОВ

БУРЫЙ МЕДВЕДЬ, СЕРЫЙ ВОЛК

Повесть

Бабушкины сказки

Широкий плоский обруч, обтянутый красным бархатом, возвышался на голове бабушки Анаид подобно короне. Расположенный вертикально, он зрительно увеличивал рост бабушки и придавал величавость её и без того горделивой осанке. Черты бабушкиного лица усиливали сходство обруча на её голове с короной. Тёмно-голубые глаза, смотревшие пристально и властно, внушали повиновение, и бабушке никогда не нужно было повторять свои распоряжения служанкам: даже самые ленивые и изворотливые всё выполняли сразу и без прекословия. Достаточно было взгляда. Бабушкино лицо было слегка асимметрично, правая бровь изгибалась круче и располагалась выше левой, эта асимметрия придавала лицу высокомерное и требовательно-вопросительное выражение. К такому лицу корона бы подошла. Асимметричное расположение бровей передалось и мне по наследству от бабушки. Моя правая бровь тоже выше левой, и изогнута она круче левой. Бабушка не красила хной свои чёрно-белые волосы, как это делает большинство женщин её возраста. И сочетание трёх ярких цветов – снежное сверкание седины на фоне угольной черноты её густых волос и, совсем уж неожиданно, тёмно-голубой цвет весеннего неба, цвет её огромных, чуть миндалевидных глаз завершали эту палитру. В сумме всё это разноцветье придавало бабушкиному лицу необычайно живой и неповторимый вид. Её лицо, подобно пламени, было полно неуловимой внутренней жизни. Бабушка всегда поверх европейского платья носила цветастый азиатский халат. С нами, внуками, она говорила только на армянском, хотя в разговоре с моей мамой, своей дочерью, иногда переходила на русский, да и воспитатель наш, русский человек, Гаврила Васильевич, живший в нашем доме как член семьи, говорил с нами на русском, и бабушка считала это очень важным, чтобы мы с братом говорили на русском чисто, без акцента. Для этого, собственно, и был взят в дом Гаврила Васильевич. «Русский – язык господ, и дети должны говорить на нём без акцента». Так говорила бабушка Анаид. Тем не менее, единственная фраза на русском, обращённая к нам с Васей, была: «Ми нэ богатый, но ми отчень гордый», причём бабушка время от времени повторяла эти слова. Когда я чуть подрос и смог оценить её юмор, то понял, что она издевательски пародирует речь других тифлисских армян, претендующих на аристократизм и по этой причине пытающихся говорить в своих семьях на русском языке. На самом деле её армянский акцент был едва ощутим. К вопросу о внутрисемейном языке бабушка подходила очень серьёзно, когда дело касалось нас с братом Васей, бабушка говорила: «Русским языком они должны владеть лучше, чем сами русские, но думать, думать они будут на нашем языке, на армянском». С возрастом мы с братом поняли, что бабушка, когда шутит, никогда не смеётся, и мы всегда пребывали в недоумении, шутит она или говорит всерьёз. Сама она никогда не дони-мала нас воспитанием, не делала замечаний, не читала нравоучений, не бранила за баловство и лень, единственное бабушкино назидание было «Вы никогда не должны забывать, что вы армяне», лишь однажды пояснив: «Быть армянином – значит быть одним из тех, для кого светит солнце. Быть армянином – значит быть умнее, хитрее, дальновиднее и смелее простого человека».

Так учила нас бабушка Анаид, мать моей мамы. И её слова навсегда запали в мою детскую душу.

Бабушка Анаид была образованной женщиной, она умела говорить и писать на русском и на французском языках, объяснялась со своими татарскими и грузинскими служанками на их родных наречиях. Она никогда не ругала нас, но и не хвалила, и лишь иногда обещала мне: «Ты вырастешь, Михо, и станешь большим человеком. Я знаю такое колдовство, чтобы тебе все подчинялись». «Все-все?» – спрашивал я бабушку. «Все», – отвечала она своим непоколебимым голосом. «И урядник?» – с недоверием спрашивал я. «И урядник, и градоначальник, и губернатор, – щедро обещала бабушка. – И никто против тебя ничего сделать не сможет, оружие врагов не принесёт тебе вреда. Сталь и свинец всегда будут щадить тебя. Сабля и пуля будут тебе не страшны».

Позднее, уже став взрослым человеком, после жарких кавалерийских схваток с хищными горцами и особенно после выстрелов в упор террориста, покушавшегося на мою жизнь, и не причинивших мне ни малейшего вреда, я вспоминал обещания бабо Анаид. Жандармы, не знавшие мою бабушку и её обещаний, составляя протокол после покушения на мою жизнь революционера Младецкого, выкреста из евреев, написали, что пули были задержаны сукном шинели. Воистину, нет предела тупости наших жандармов! Сукно, останавливающее полёт пули, – это же надо такое придумать! Оденьте манекен в шинель и десять тысяч раз подряд выстрелите, и я помстрю, сколько раз из этих десяти тысяч сукно остановит полёт пуль! Но исследовательский дух чужд жандармам, для них важнее составление протокола.

А мне после нервного потрясения, вызванного выстрелами, ясно вспоминался взгляд бабушки, хитро подмигивающий правым, выделенным заломом брови, глазом. Бедные жандармы не могли придумать ничего умнее сукна, останавливающего пули. Кстати, о сукне. Шинель моя была прорвана пулями так же, как и мундир, но тело не было повреждено. Пули будто налетели на непреодолимое для них препятствие. И я знаю, кто поставил это препятствие.

А тогда, в детстве, слушая бабушку, я закрывал глаза для храбрости и медленно тянул капризным голосом: «Бабо, бабо»...

И она, предупреждая мой ненужный и неуместный, по-детски неосмотрительный вопрос, говорила: «И он тоже будет тебя слушаться, как и все остальные. И он никуда не денется, моё колдовство – очень сильное колдовство, твоё дело – держать язык за зубами, хорошо учиться и слушаться бабушку Анаид. Остальное я устрою. Запомни: главный тот, у кого в голове больше хитрости, а в сердце больше храбрости».

Лишь однажды в жизни я нарушил данное бабушке обещание держать язык за зубами, когда, скрутив террориста Младецкого и вклеив ему пощёчину, забрал из его трясущихся рук револьвер и сказал: «Меня пуля не берёт, а ты, паршивец, хотел меня застрелить». В своё оправдание могу лишь сказать, что был потрясён, когда ощутил, как моё тело отклоняет полёт летящих в него пуль. Я ощущал обжигающее прикосновение, но потом пули отскакивали в сторону.

А в детстве я слушал бабушкины сказки, думал, что она, наверное, говорит правду, ведь её все слушаются – и мама, и папа, и все, кто живёт в нашем доме. Но чтобы окончательно развеять сомнения, я спрашивал:

– А почему ты не сделала главным моего папу?

– Когда я познакомилась с Таризлом, будущим мужем моей Екатерины, с твоим отцом, он был уже взрослым человеком. – Бабушка чуть-чуть скривила губы, что выражало лёгкое неодобрение. – И у твоего отца недостаточно было хитрости и не доставало решительности, он был слишком осторожный. А чтобы тебя все слушались, чтобы подчинялись тебе, ты не должен ничего и никого бояться. Осторожность хороша лишь для торговца. Никакое колдовство не поможет тому, в ком обитает страх,

достичь вершин власти... К тому же, твой папа никакого другого языка, кроме нашего, не знает. Он даже на грузинском еле говорит. А повелитель должен свободно знать языки подвластных ему людей. Ты сейчас учишь русский, а со следующего года поедешь в Москву, в школу, где армянских детей обучают иностранным языкам.

– Бабо, а у меня хватит хитрости и храбрости?

– У тебя? У тебя всего хватит, ещё и останется, ты и сам это чувствуешь. Так повелось с древности, что армянские юноши становились царями чужих народов. Было много армян, ставших греческими царями, но никогда, ни один грек не мог стать армянским царём.

– И я буду греческим царём?

– Ну, нет, Михо, сейчас эти греки – рабы турок, кто они такие, чтоб ты стал их царём, чем греки заслужили, чтобы мой Михо был их царём? Греки тебе не нужны. Есть две нации господ, это турки и русские. Турки – мусульмане, наши вечные лютые враги. У русских вера немного иная, не такая, как у нас, но они всё-таки христиане, хотя наша вера превосходит их веру, но сами они народ неплохой, добрый, честный и послушный... Да, у них нет таланта повелевать другими народами, и нет у них армянского подхода, но и не надо, они хороши на войне, вот пусть и воюют, а управлять, управлять они и своим-то народом не могут. Такого обычая, как у русских, нигде больше нет, – своими людьми торгуют, как скотом, зато кто к ним приезжает жить, сразу вельможей становится. Если француз, швед или немец остаётся жить среди русских, он сразу становится графом или маркизом. Его отец мыл в трактире полы, а в России он уже дворянин, и зовут его не просто по имени, а по отчеству, Ганс Карлович, он окружён богатством и почётом, у него в собственности двести душ крестьян. Пусть русский попробует, поедет в европейскую страну, да без денег, будет ли ему позволено на постоялом дворе, в номерах подметать, или просто выгонят прочь, посмотрим, кем он там стать сможет. Править русские не умеют, зато они хорошо умеют воевать, завоевали множество соседних земель и теперь не знают, что с ними делать. Как управлять этим пространством? У русских огромная страна, если её хорошо управлять, ставить наверху своих людей, она быстро окрепнет и благоустроится, превратится в нашу Великую Армению. Ты станешь повелителем русских и армян, никто тебе не сможет помешать. Сами они управлять не могут, а кто ещё есть? Поляки – заносчивые католики, русские не допустят, чтобы чванливый поляк ими управлял, остальные народы все мусульманские, не евреи же в России править будут. Грузины слишком ленивы, им бы вино пить и песни петь, а в хитрости и смелости им с нами не тягаться. Да, вера у них, как у русских, но чтобы править, одного совпадения обрядов мало, надо, чтобы люди верили в тебя. Нужен армянский подход. Главное – хитрость и смелость. И трудолюбие. Рано утром пойдешь на Тифлисский базар. Там всё ясно станет. Первыми приходят и становятся за прилавками наши торговцы, потом курды и татары, после них появляются грузины и русские. Грузинские торговцы ещё спят, когда армянские князья уже проснулись и своими делами занимаются.

– Бабо, а что такое армянский подход?

– Это тебе объяснять не обязательно, ты это должен ощущать без объяснений. Это в крови, это в душе. Всегда, с кем бы и о чём бы ты ни говорил, ты не должен верить ни одному слову собеседника и всё время соображать, как его обмануть. Управлять любой страной должен армянин. Строгий и справедливый, похожий на бога.

Так говорил моя никогда не ошибавшаяся бабушка.

Отец любил рассказывать о Германии и своих компаньонах в Лейпциге и в Петербурге и Москве, это было интересно слушать, но правда и сила были в словах бабушки Анаид, нашей бабо. Она рассказывала захватывающие истории о прошлых временах, об истории нашего великого народа, и это было интереснее всего.

Бабушка рассказывала:

– Над нашим народом тяготеет проклятие. Давно, сразу после потопа, самые урожайные земли принадлежали армянам, и не было более плодородных земель. Армянский царь Гайк поспорил с вавилонским царём Нимродом, чья земля лучше. Для разрешения спора отмерили по сто мер зерна и посадили это зерно. Каждый на своих землях. Условия были такие: тот, кто победит, чей урожай окажется больше, тот забирает весь урожай проигравшего. Когда собрали зерно, вышло, что выиграл Гайк, весь урожай Нимрода достался Гайку. Зимой в Вавилоне начался голод, Нимрод обратил к Гайку за помощью, попросил в долг, до следующего урожая, зерна, тот в ответ прислал ему большой груз камней, тысячу телег повелел загрузить камнями, сто телег мешками с солью, чтобы посолить камни перед тем, как их есть. И отослал Нимроду камни и соль. Нимрод, глядя, как пухнут от голода и умирают его люди, проклял Гайку и пожелал, чтобы земля его стала камнем и покрылась солью. С тех пор земля, на которой селятся армяне, быстро превращается в камни и покрывается соляной коркой, и эта земля уже не может прокормить живущих на ней, какими бы трудолюбивыми эти люди ни были. Сорок лет – и всё, нет земли, только камни и соль. Соль и камни. И враги нашего народа называют нас, армян, солёными, поэтому наш народ, как ни один другой, знает цену земле. Причина в этом злом проклятии вавилонского царя. Стоит армянину увидеть чужую, мягкую и плодородную, готовую родить землю, как он тут же влюбляется в неё и начинает страстно желать её возделывать. Горькая правда заключается в том, что эта чужая, мягкая, плодородная почва, если на ней селятся армяне, через несколько поколений превратится в несокрушимые камни и покроется солёной коркой. Посмотри на соседние страны, кто бы там ни жил, люди год из года возделывают землю и получают урожаи. Не то у нас. Земля, на которой живут армяне, начинает превращаться в камни. Отчаяние овладевает несчастными, многострадальными людьми, и они начинают искать новую землю. Но мы не воинственный народ, мы не любим воевать и убивать людей, и захватывать чужие земли. Наоборот, нам больше нравится растить урожаи и детей. Но проклятие превращает нашу землю в бесплодные камни. И мы как одержимые ищем, ищем новые, способные родить земли. Например, в Карабахе армяне живут по соседству с никчемным народом, татарами, которые называются Азери халг. И что? Там, где живём мы, камни, там, где эти никчемные людишки, – воткни в землю сухую палку, она зацветёт и через год даст урожай.

Прилипший учитель

Как и говорила бабушка, в конце следующего лета я поехал учиться в Москву. Школа, в которую меня определили, принадлежала московскому армянину, господину Лазареву, мне она не понравилась сразу, хотя это была армянская школа, армяне там вместе с русскими и иностранцами из Европы работали учителями, большинство учеников тоже были из армян. Учиться в этой школе мне было нетрудно, но очень неприятно. Секрет моего успеха в обучении заключался в том, что учить иностранные языки я начал, когда мне было три года. И в двенадцать, когда я поступил в Лазаревскую школу, я уже умел, благодаря моему учителю Гавриле Васильевичу, совершенно свободно говорить на чужом, русском языке, и знал многие слова французского и немецкого языков. Пока другие ученики начинали понимать, что это такое – владение иностранными языками, и что каждый народ описывает мир на свой лад и разными способами, я уже успевал выделиться среди детей своими знаниями. За мной закреплялась репутация первого ученика. Но порядки в этой школе вызывали у меня отвращение. Вся жизнь здесь строилась на доносах учителям на других учеников. Это вроде закономерно, нас ведь готовили к дипломатической службе, иными словами, к шпионажу, но всё же мне эта манера была неприятна. Мало того, что мне совсем не нравилось писать обязательные еженедельные рапорты

– доносы на других мальчиков, мои успехи в изучении языков были предметом зависти, и, как следствие, о малейших моих проступках тут же становилось известно директору школы господину Лазареву. Так прошло два года, и я понял, что обещания бабушки Анаид не суждено сбыться, вместо подвигов и славы меня ждала скучная, беспросветная канцелярская работа переводчика, в основном это работа с бумагами, где невозможно отличиться храбростью и находчивостью. Когда я это осознал ясно, решил спасаться, и плохо пришлось учителю немецкого языка. Немецкий мне давался нелегко, как и арабский, хуже, чем турецкий, фарси и французский, поэтому я невзлюбил учителя этого языка. Преподавал его немолодой уже Франц Людвигович Швеенфорд, почему-то по непонятным причинам не полюбившийся не только мне, но и всему нашему классу. Вот его-то я избрал жертвой моего устремления к желанной героической жизни. Накануне учитель химии рассказал нам рецепт универсального клея, которым можно склеивать всё со всем. Роковая идея приклеить Франца Людвиговича к стулу, сидящим на котором мы привыкли его видеть, пришла мне в голову сразу после того, как на уроке химии мы записали рецепт чудо-клея. Рецепт оказался замечательным. Я намазал клеем сиденье учительского стула. Старый учитель вначале не понял, что с ним приключилось. Не сумев подняться со стула и встать на ноги, он посидел немного, осознавая неразрывность своей связи со стулом. Хитрый старик, ничем внешне не выдав своего замешательства, продолжил сидеть на своём месте как ни в чём не бывало. Но рано или поздно надо было подняться, и он вновь попытался это сделать. Естественно, попытка не удалась. Большая часть мальчиков была в курсе дела, и скрытая борьба учителя со стулом вызвала приглушённый смех учеников, этот приглушённый смех окончательно вывел учителя из равновесия, и он отважился на решительную попытку избавиться от наваждения. Это привело к катастрофе. Учитель встал. Но встал он вместе со стулом, на котором сидел, являя миру новый, канцелярский вид кентавра. Наполовину человек, наполовину стул. Стоять приклеенным к стулу тем местом, на котором люди обычно сидят, весьма затруднительно, стул тянул назад, Франц Людвигович вынужден был, чтобы сохранить равновесие, податься вперёд, он покачнулся, тщетно пытаясь обрести устойчивое положение, но не устоял, беспомощно взмахнув руками, будто пытаясь взлететь, он не взлетел, а растянулся на спине, во весь свой немалый рост. Последствия падения на спину были ужасны: задние ножки стула подломились, а с головы учителя, стукнувшегося затылком об пол, слетел парик, прикрывавший его плешь. Франц закричал не своим голосом, всё произошедшее было так неожиданно, что класс охватил дикий хохот. Чтобы вообразить степень неистовости класса, надо рассмотреть произошедшее спокойно и в деталях. Прежде всего, что такое класс? Это двадцать своих нравных сорванцов, большинство которых воспитывалось в чадолюбивых армянских семьях, в лексиконе родителей этих мальчиков отсутствовало слово «нельзя». Усвоить смысл и значение ограничений им было нелегко. Мальчики в течение первых лет своей жизни никогда не слышали этого слова и не понимали его значения. Оказавшись в школе, дети вынуждены были подчиниться неестественному и нестерпимому для них порядку. Нельзя! Ничего нельзя. Нельзя бегать, нельзя прыгать, нельзя баловаться, бороться, нельзя веселиться, нельзя кричать, даже говорить на родном языке нельзя, всё запрещено, а надо, неподвижно сидя за партой, невзирая на нестерпимые муки вынужденного покоя и сосредоточения, ещё и запоминать трудно произносимые чужие слова. Как же надоели эти порядки, эта невыносимая могильная тишина. И вдруг какой восторг! Вопль поверженного символа ненавистного порядка – учителя, и хохот класса, истомлённого строгостью и тишиной. Шум привлёк в нашу классную комнату всех свободных от уроков учителей, они окружили лежащего Франца Людвиговича, но никто не спешил прийти ему на помощь. Видимо, не любили его не только ученики, но и коллеги учителя, раз никто не желал ему помочь. Скоро на шум появился и сам директор, господин Лазарев. В душе я торже-

ствовал, ясно было, что моё обучение в ненавистой Школе восточных языков закончилось. Причём вовремя закончилось. В ту пору я уже неплохо владел немецким и французским языками, не говоря о простом и доступном турецком и схожем с ним татарском, знал немало расхожих фраз на фарси и почти всю его богатую нецензурную часть. Больше этого, понимал я, для военной службы, о которой я тогда мечтал, мне было и не надо. Ясно, что из школы меня исключат, но что со мной будет дальше? Вначале, сгоряча, начальство армянской школы поддалось было требованиям оскорблённого Франца Людвиговича, и решено было отправить меня домой, в Тифлис. В Тифлис возвращаться я не хотел, но эта перспектива меня нисколько не пугала, ясно было, что финансовые пожертвования моего отца в бюджет школы с большим запасом перекрывают возмущение какого-то учительши. Помимо этого, известно было мне о высоких целях, которых хотел достичь Лазарев, используя свою школу. Он мечтал, что вся внешняя политика Империи будет осуществляться силами выпускников его учебного заведения. Что такое обида одного хитрого немца в сравнении с планом национального преобразования внешней политики Империи? Речь шла ни много, ни мало о том, что мы, армяне, будем решать, с кем воевать России, а с кем вступать в союз. Планы интересные и поистине величественные, для их осуществления армянская община готова была потратить существенные деньги. А я был лучшим учеником Лазаревской школы. Армянская община – это серьёзные, очень богатые и очень бережливые люди, по-настоящему, по-кавказски горячо любящие деньги. Ни о какой отправке назад, в Тифлис, речи идти не могло, я уже вполне понимал, что меня хотели припугнуть на будущее и использовать как послушное оружие для осуществления своих планов, не более того, и я, несмотря на юный возраст, уже способен был это понять. Повелевать судьбами стран и народов крайне заманчиво и выгодно, на мусульманском Востоке делать это несравненно легче, чем где бы то ни было в мире. Здесь так просто вызвать гнев важного вельможи, вывести его из себя, подтолкнуть к совершению необдуманного поступка или, наоборот, расположить к себе пустячным знаком уважения и фальшивым признанием выдающихся качеств незначительного человека. Пустые люди, волей судьбы наделённые властью, чувствительны к внешним знакам признания их значимости. Все эти захватывающие игры, великий азарт управления ходом истории, весь этот восточный базар, где продаются и обмениваются волшебные товары – сверкающие брильянты, мрачные, неприступные крепости, изящные наложницы, яркостью, хрупкостью и недолговечностью подобные бабочкам, стремительные, как вольный ветер, чистокровные скакуны, ловчие птицы, обитающие в заоблачных высях, тайны сералей, хранимые молчаливыми евнухами, у которых, казалось, заодно отрезали и их языки, магические кристаллы, в гранях которых отражены прошлое и будущее – всё это изобилие чудес было, тем не менее, малопривлекательно для меня. Военное дело, торжество победителя на поле боя, а не закулисный и сомнительный, всегда половинчатый успех дипломата за столом переговоров, вот что действительно манило, вот о чём я мечтал. Увидеть стоящего на коленях, молящего о пощаде, пятигорского черкеса, а лучше – турецкого пашу, униженно просящего о мире, выслушать этого, страшного для многих, свирепого вида человека, а потом срубить его голову с плеч – что может сравниться с этими ощущениями? Ощутить свою причастность к разгрому ненавистой дикой Азии, противостоящей человечности и прогрессу. К счастью, судьбу мою в тот момент решали люди, достаточно мудрые, чтобы отдать предпочтение моим природным устремлениям. Конечно, в ту пору я не мыслил в абстрактных категориях – Восток – Запад, Цивилизация – Дикость, НО НЕОСОЗНАННЫЙ Запад, и я отправился в Петербург, поступил там в Николаевское кавалерийское училище и испытал счастье, известное тем немногим, кому довелось в этой жизни обрести своё истинное место на земле.

Живая сталь

В училище готовили подпрапорщиков-кавалеристов. Срок обучения – два года, и это вполне соответствует той стремительности, что составляет сущность самой кавалерии. Если юноша за два года не станет кавалеристом, то это ему не суждено, и нечего морочить голову ни юнкеру, ни преподавателям. Стремительность здесь была возведена в ранг абсолютной добродетели. Стремительность во всём – на войне, в атаке, в быту, в ухаживаниях за дамами, в карьере и во всех остальных важных делах. Стремительность и субординация. Это было прямой противоположностью укладу жизни Лазаревской школы. Полагаю, что именно пребывание и учёба в столь не похожих по духу учебных заведениях способствовали моему становлению как политика, спасителя и предводителя армянского и русского народов. Подобно тому, как железо, будучи перемещённым из пламенной среды в среду прохладную, жидкостную, закаляется, приобретает кристаллическую структуру стали, моя человеческая натура, проделав сходный путь из одной среды в противоположную, приобрела необходимые стальные свойства: прочность и гибкость. Случайно срок обучения в Кавалерийском училище совпал со сроком моего пребывания в Лазаревской школе – два года. В свою очередь, период обучения в училище был разделён на две совершенно противоположные по своей сущности эпохи. Первый год обучения был годом полного подчинения юнкера воле старшего, корнета, и единственным неущемлённым его правом являлось сохранение чести и достоинства. Во всём выходящем за пределы этого жёсткого ограничения юнкер полностью подчинён воле корнета, «второгодника», включая самые нелепые требования. Команды, произнесённые деланно рыкающим, «командирским» голосом, как правило, начинались со слов «пулей полетели», например – «пулей полетели в канцелярию» – по какому-то важному для корнета «второгодника» делу, или «пулей назовите имя моей любимой». Зачем? Вопрос этот не то что не мог быть задан, он даже не подразумевался, он не мог существовать даже в фантазии. «Пулей назовите имя». А просто потому, что это имя нежно ласкает слух корнета. Все эти глупые и не нужные для непосвящённого в таинство Власти человека приказания были важнейшим моментом инициации вчерашнего мальчика из дворянской семьи в лихого командира, готового посылать на верную смерть подчинённых, и самому лихо, без раздумий, лететь навстречу остро заточенной стали вражеских клинков. В этом состоит высший смысл военной муштры. Здесь было продумано всё: несоответствие повелительного наклонения грубого обращения корнета к младшему юнкеру с подчёркнуто вежливым использованием местоимения «Вы», например: «Молодой, пулей полетели!», вопиющая глупость и самодурство приказов и строгий регламент их исполнения. Я бы сравнил, пожалуй, всю организацию обучения в кавалерийском училище с естественным процессом дыхания. Первый год – тяжёлый вдох, второй – лёгкий, с облегчением, выдох. Повиновение – вдох, Власть – выдох. Сейчас, оборачиваясь на пройденный путь, я понимаю, как удачно сложились моё обучение и моё формирование. Два года в Лазаревской школе – это тоже тяжёлый вдох, накопление нужных знаний, умения выведывать чужие тайны и хранить свои, затем лёгкий выдох – обучение верховой езде, джигитовке, владению шашкой, стрельбе и другими военным премудростям в Николаевском училище. За обучением последовали годы овладения практикой усвоенного материала – участие в войне на Кавказе. Отличившись в силу врождённых качеств на войне, сдав боевой экзамен на полях сражений, я мог продолжать овладение искусством войны. И здесь уместно вновь вспомнить мою дорогую бабушку Анаид, ведь бесстрашием в бою я отчасти обязан вере в её колдовское заступничество. Затем я был переведён в следующий «класс» – мне было поручено сопровождение почётного пленника, Хаджи Мурата, бывшего наиба Шамиля, добровольно перешедшего на сторону русских. И этот «класс» я закончил с отличием – используя знание татарского

языка, я выведал у Хаджи Мурата, так же свободно владевшего этим языком, всё, что было необходимо узнать о военной тактике горцев, об их взаимоотношениях, затем помог русским в непрестом деле использования этого знания. О непримиримой вражде Хаджи с Шамилем я знал и раньше, ещё до бесед с перебежчиком. Это, собственно, было общеизвестно. Но как только до меня дошли слухи о тайных намерениях Шамиля ослепить сына Хаджи Мурата, хитрый план мгновенно созрел в моей голове. Прежде всего, было понятно, что эти слухи о намерениях имама ослепить сына своего бывшего наиба исходят от какого-то постороннего источника, от кого-то, заинтересованного в прекращающейся вражде бывших кунаков. На самом деле ясно было, что ни Хаджи, ни имам Шамиль никогда в своих действиях не будут руководствоваться ни страхом, ни низким коварством. И то, и другое грозило утратой высокого звания джигита, рыцаря гор, а это звание и соответствующая ему репутация и для одного, и для другого были дороже всего на свете. Но страх перед ослеплением сына – это совсем другая степень ужаса, эта новая опасность способна лишит разума и совершать безумные поступки. Слух о жестоких намерениях враждующих исходил не от нас, не от командования русской армией, значит, был кто-то ещё, заинтересованный во вражде Хаджи с имамом Шамилем. А судя по многим признакам, эта ни на чём серьёзном не основанная вражда понемногу шла на убыль, на прекращение. Между Хаджи и Шамилем не было ни кровной вражды, ни династийных, ни крупных финансовых противоречий, а значит, существовала серьёзная опасность их замирения. Это замирение, видимо, беспокоило не только нас, командование русской армии. Но кого ещё? Ответ мне так и остался неизвестен. Сейчас я полагаю, что эта таинственная противоборствующая сила находилась за пределами Империи. Где? Можно только строить догадки. Раз в неделю я докладывал графу Воронцову обо всём важном, что удалось выведать у Хаджи Мурата. И я предложил графу использовать сведения, выведенные мной, для заключения мира с имамом Шамилем на наших, выгодных для Империи условиях. С этой целью до Шамиля было доведено, что Хаджи собирается ослепить Джамаль-ад-дина. И имам, узнав страшную весть, напугался. Известия поступали к имаму с самых разных сторон, угроза казалась всё серьёзнее и реальнее. Такой поступок – лишение зрения сына своего бывшего кунака, даже ставшего врагом, ну никак не соответствовал природе и характеру Хаджи, но горцы в психологии слабы, а страх за потомство присущ всем людям. Причём страх за близких тем сильнее, чем смелее по своей натуре тот, близкие которого подвергаются опасности. Видя, что страх за сына полностью овладел Шамилем, я решил использовать ситуацию в своих целях, через проверенных людей передал ему предложение одного высокопоставленного русского офицера за большое денежное вознаграждение убить перебежчика Хаджи Мурата и тем самым ликвидировать угрозу для Джамаль-ад-дина. Шамиль был ввергнут в тревогу за сына, дезориентирован, в итоге согласился, несмотря на огромный размер востребованной суммы. Моей целью, конечно, были не деньги, мне нужно было получить власть над Шамилем, испачкавшим своё имя, договорившись с иноверцами убить Хаджи Мурата. Этого договора с гяурами было достаточно, чтобы превратить повелителя Кавказа в послушного нукера. За молчание он будет готов на всё. Но вскоре после объявления согласия, прежде чем я дал приказ о ликвидации ставшего ненужным перебежчика, имам передумал, отказался участвовать в деле, то ли посчитав его недостойным и гнусным, то ли почувствовав ловушку... Договорившийся с ним вскоре исчез, и вместо него среди мюридов появился новый человек. Этот новый переговорщик не хотел денег, наоборот, он предлагал Шамилю выгодные условия, безопасный и почётный плен, да и не плен вовсе, а свободное поселение в одном из русских городов, и голову опасного врага впридачу, если Шамиль прекратит войну против русских. Измотанный страхом за судьбу Джамаль-ад-дина, имам всё же вновь отказался от союза с неверными. После этого, окончательного отказа Шамиля от соглашения с русскими Хаджи Мурат в моих гла-

зах окончательно потерял ценность, и я придумал новый план использовать его как инструмент воздействия на имама. Просто убить Хаджи, в знак дружбы с имамом. Убить человека, добровольно перешедшего на вашу сторону? Если Шамиль после ликвидации Хаджи Мурата заключит с нами мир, дело станет очевидным. На Кавказе, одержимом маниакальным бредом доблести и чести, как можно оправдать убийство человека, доверившегося вчерашним врагам? И как можно оправдать заключение мира с гяурами? Но главное затруднение даже не в оправдании действия, главное – как можно подтолкнуть имама, выше всего ставящего свободу, к сдаче в плен? Даже страх за сына не заставил Шамиля пойти на предательство своего бывшего наиба. Но я подумал так: что может быть для имама страшнее ослепления сына? Только гибель всего его народа, а точнее и вернее, гибель всех горских народов.

Один умный армянин, в интересах службы изучивший арабский язык и Коран, ротмистр Оганез Лазарев, в периоды затухания пожара войны в горах Кавказа поддерживал дружеские отношения с имамом и его мюридами. Лазарев принимал их у себя, сам делал визиты наибама имама, ездил с ними на охоту, участвовал в воинских забавах и состязаниях. Я решил использовать знакомство Лазарева с самим Шамилем. Для этого я поручил ротмистру разыграть такую сцену: подговорить двух подростков, чтобы на вопрос, где их отцы, они ответили, что их отцы погибли на пути газавата. Ясное дело, врать имаму нельзя, даже за большие деньги нельзя. Но за очень большие можно. И потом, смотря, что врать. Одно дело – скрыть место засады, где притаилась в ожидании смерти, или неверно указать это место, и совсем другое – сказать, что отец погиб в борьбе с гяурами, это ведь не ложь даже, а простое мальчишечье хвастовство. Мальчишки оказались там, где надо, в нужное время. Ротмистр, сопровождавший имама, спросил их, не сыновья ли они Казбека? Нет, ответили мальчики, мы не дети Казбека, и вообще не братья. Наши отцы – мученики за веру и погибли на пути газавата. Совершенно невинная ложь, вреда от которой никакого нет, а каждый получил за такую мелочь сто рублей. Немыслимо, хватит на калым за невесту, деньги как с неба. Услышав такой ответ, ротмистр рассмеялся и сказал:

– Не будь они аварцами, я бы усомнился в честности их мамаш. Ну, точно, оба как братья, на покойника Казбека похожи, большой был охотник до женского пола. Упокой Господь душу Казбека, однако, если дело так пойдёт дальше, то мне и воевать будет не с кем, придётся новое дело осваивать. В горах почти не осталось джигитов. За что царь будет мне платить, если переведутся абреки, и не нужно будет ни с кем воевать? Может, на старости лет просветительством займусь, я много карточных фокусов знаю, могу показывать, могу и обучать. Нынче просветительство в моде, каждый народец хочет просветителей иметь. А где армяне, там свет знаний и просветительство, там и прогресс. Представь себе, имам, Школа карточной игры и научных фокусов ротмистра Оганеза Лазарева. А? Звучит? Зачем мне с горцами, которые уже давно стали как братья, воевать? Куда лучше их детей полезным наукам обучать.

– Шайтан ты, Оганез бек, шайтан, ты ведь не просто так эту чепуху говоришь, какое-то коварство замышляешь, только не пойму, что.

– А что тут голову ломать, – отвечал Лазарев имаму со смехом, – хочу тебя к себе в школу заманить и в карты обыграть.

Но Шамиль не поддержал шуточного тона, остался хмурым. Лишь произнёс проклятие шайтану и пробормотал:

– Эти сироты мне не просто так встретились, их Аллах с какой-то целью мне на встречу послал.

Ротмистр ответил, что не стоит голову ломать, и продолжил грубой прибауткой о том, что раздумья делают с джигитом то, что джигиту самому положено делать с женщиной. Имам, не выносивший скверных слов, пришпорил коня и уехал вперёд.

А ротмистр, достигший своей цели, заставивший горца думать о бессмысленности войны против русских, предоставил ему в одиночестве поразмыслить на за-

данную тему. Ротмистр не спешил, он был умным человеком, к тому же обладающим терпением.

Начать сейчас разговор о бесполезности борьбы с Империей означало крах всей тонкой игры против простодушного имама, которую вели Лорис-Меликов и те, кто им управлял. Они, эти люди в Петербурге, умели ждать так же хорошо, как и действовать по-кавалерийски, стремительно и напролом. Прошло ещё три года, прежде чем Лазарев понял: пора действовать решительно. Конечно, в течение этого времени было сколько угодно моментов ликвидировать имама Шамиля, но эта ликвидация созрела идея о том, что его храбрость и его упрямство могут привести народ Дагестана к полному уничтожению. Всё это время рядом с ним находился верный друг и мудрый советник, Лазарев, уже успевший, несмотря на дружбу с мятежным имамом, стать полковником русской армии. Когда Лазарев понял, что подготовительная часть работы по сдаче имама в плен завершена, Шамиль оказался окружён войсками в Гунибе. Тогда, для переговоров с русскими, он призвал к себе полковника Оганеза Лазарева. В итоге многочисленных совпадений, казавшихся простодушному аварцу случайными, после прекращения войны устроилось сразу много дел – горы получили мир, Оганез Лазарев сменил полковничьи погоны на генеральские, а я на шаг приблизился к своей цели – спасению несчастной Российской Империи и превращению её в процветающее, живущее в мире и согласии, мощное Армянское царство. Капитуляция Шамиля была проведена Лазаревым безупречно, если бы имам погиб, Кавказ, охваченный жаждой мести, был бы ввергнут в войну ещё на долгое время. И это была бы война с неопределённым концом. Несмотря на огромное военное превосходство русских, ситуация в регионе менялась быстро, так, что ничего нельзя было ни исключить, ни предугадать. Одно было бесспорно: формирование военно-политического сословия из армян уверенно продвигалось к успеху.

Роль Толстого в покорении Кавказа

Близилась новая война с Турцией, Европа, напуганная русскими, разгромившими непобедимого Наполеона, до столкновения с русскими никогда не проигравшего ни одного, даже незначительного сражения, готова была поддержать кого угодно в войне с Россией, хоть ненавистную Турцию. Император Александр, не полагивший должного признания за внутренние реформы, жаждал славы Освободителя. Пусть не русского народа, но братских ему, славянских. При таком распылении сил имамат имел возможность долгое время сопротивляться Империи. Да, в Порте не было своего Бонапарта, но чтобы воевать с Россией, Наполеон и не нужен. Против России были готовы выступить силы куда опаснее Наполеона. Внутри самой Империи поднимала голову крамола, уже готовили свои омерзительные, противоестественно жестокие акты бомбисты, и незначительная неудача на войне могла роковым образом сказаться на исходе дел в самой Империи. Существовала ещё одна большая опасность: имамат после капитуляции Шамиля мог возглавить другой воин, а это означало бы продолжение войны с русскими. Остановить покорение Кавказа тоже было нельзя – враждебные Иран и Турция готовы были занять главенствующее место в регионе. Ситуация была опасной, и для спасения положения надо было действовать в духе кавалерийской гвардии – стремительно. Затягивать дело было опасно, итог перемен был абсолютно неясен, Хаджи Мурат, оказавшись он во главе сопротивления горцев, мог быть опаснее Шамиля. Шамиль постепенно был приучен умницей Лазаревым к мысли о неизбежности виктории русских. Планы и намерения Хаджи оставались тайной даже для меня, несмотря на длительное и доверительное общение с ним. Когда Хаджи Мурат увидел пистолет в моей руке, он удивился так сильно, что выражение изумления осталось на его лице, даже когда его голову, по моему приказу, уже от-

резали от тела. Голову я отослал Шамилю, в холщёвом мешке, приложив записку, написанную арабскими буквами на аварском языке: «Подарок от русского друга». Потом мной была придумана история, будто Хаджи Мурат пытался бежать, при этом убил нескольких казаков, охранявших его от покушений мюридов Шамиля. Многие, но далеко не все, и, конечно, не самые умные люди в Дагестане поверили в то, что человек пытался сбежать оттуда, куда пришёл сам, по своей воле, и где нашёл защиту от врага, искавшего возможность его убить. И для закрепления этой веры в мою выдумку я предложил устроить мне встречу с талантливым русским журналистом, графом Толстым. Это для меня было не простым испытанием, ввести в заблуждение профессионального выдумщика и сочинителя, привыкшего к размышлению и анализу, к тому же много видевшего в своей жизни и побывавшего на войне. Заставить его талант служить моим целям, способствовать распространению моей выдумки было не просто. Договориться с графом писать то, что мне надо, было невозможно, как большинство русских, он был фанатичным приверженцем того, что считал правдой, использовать графа можно было только «втёмную», только введя в заблуждение. И я рассказал выдуманную мной историю попытки побега Хаджи Мурата Толстому. Граф Толстой обладал замечательным талантом рассказывать истории настолько складно и убедительно, что даже нравоучительный тон, в который он порой впадал, не лишал его выдумки очарования жизненности и правдоподобия. Особый талант графа заключался в том, что, какие бы небылицы он ни рассказывал, люди верили ему, о чём бы он не повествовал – о том ли, что женщина, к которой остыл любовник, в отчаянии бросилась под поезд, или о том, как лев подружился с собачкой, уготованной ему на съедение. И хотя все знают, что покинутая женщина не бросается под поезд, а просто начинает искать нового «человека» для удовлетворения своей потребности в полиандрии, а голодный лев пожирает всех попавших к нему в клетку зверушек, люди по необъяснимой причине зачитывались выдумками графа, и мой невероятный рассказ, пересказанный Толстым, был принят читающей публикой за правдивое описание событий на Кавказе, хотя, конечно, нелепость моей фантазии очевидна. Никто не будет сдаваться в плен, чтобы потом убивать людей, согласившихся его приютить и охранять от преследователей. Но талант есть талант, люди поверили Толстому. Выдумка о попытке бегства из спасительного плена, якобы предпринятая Хаджи Муратом, утвердилась в сознании людей во всей Империи и даже за её пределами, в Европе. Сочинения графа Толстого имеют всемирную популярность. Управлять гениями не сложнее, чем управлять простыми людьми. И я сумел использовать дарование графа в своих интересах. Для успеха в жизни не надо обладать выдающимися качествами и даже не обязательно верить в свою избранность, важно лишь иметь удачливость и не принимать чужую гениальность всерьёз. Ну, и, конечно, нужен армянский подход. Надо отдать должное Толстому, даже я, сам придумавший историю с побегом Хаджи Мурата, впоследствии почти поверил, будто он хотел бежать из-под покровительства русских. Когда Шамиль сдался и отправился доживать свой век в Калугу, бесконечная война на Кавказе закончилась. Для меня её главным итогом было то, что в глазах царя я приобрёл репутацию самого распорядительного и верного его слуги. Ещё я хотел рассказать ему всё, как было на самом деле, достигнуть этой цели удалось лишь после высочайшей аудиенции. Мне в этом святом деле очень нужна была аудиенция у Государя, и я использовал все свои связи, все бывшие в моём распоряжении деньги для получения этой аудиенции. Чиновники, взявшие устроить мою встречу с императором, отсутствием аппетита не страдали, и я платил даже больше, чем они требовали. Разговор с русским царём повергает человека в странное, не сравнимое ни с каким иным, состояние. Так, словно говоришь одновременно с огромным количеством своенравных людей, полных ощущения собственного превосходства, одновременно прямодушных, но себе на уме, сочетающих в себе качества, несовместимые в обиходе, открытость,

искренность и простота вместе с непостижимой глубиной и значимостью мыслей, выраженных ясными словами. Рассказ о действиях армян по покорению Кавказа царь благосклонно выслушал, пару раз даже сдержанно, но с одобрением посмеявшись. Если ты можешь заставить человека смеяться, значит, половина дела по его подчинению своей воле ты уже сделал. Скоро все свои чувства он будет приводить в согласие с твоими. Он будет и печалиться, и радоваться по твоей, скрытой указке. Путь к неограниченной власти в Империи наметился для меня. И я ещё раз убедился в мудрости моей бабо. Всё решают хитрость и смелость. После замирения Шамиля, хотя этот успех никто напрямую не связывал с моим именем, мой авторитет в армии стал непререкаем. Офицеры знали, что Шамиля в плен сдал Лазарев. Моя дружба и моё покровительство Лазареву были очевидны и всем известны. Передача Лазаревым Шамиля в плен русским послужила росту уважения армии к нашей национальности. Славные дела нашего храброго Бебутова получили достойное продолжение, ненавистное слово «армяшка» исчезло из лексикона русских офицеров. Его заменило наше гордое родовое имя – армянин. Мы, офицеры – армяне, покорившие Кавказ, теперь постепенно придавали этому имени его изначальный, истинный смысл – «тот, для кого светит солнце». Параллельно росту уважения и авторитета, естественно, росли и зависть, и ненависть к нам. Но главное было сделано – Государю понравилось совещаться со мной. Во время первой аудиенции я прямо, без обиняков начал разговор о предстоящей очередной схватке русского бурого медведя со свирепым серым турецким волком. После ликвидации Хаджи Мурата и пленения Шамиля можно было, без оглядки на Кавказ, теперь пребывающий в успокоении, не опасаясь удара в спину, вступить за славянских братьев, томящихся под тяжким турецким игом. Кавказский фронт превращался в спокойный, надёжный тыл. Момент для начала рискованной акции был подходящий, печальные результаты отмены крепостного права сильно разочаровали Государя, чаявшего увенчаться венцом Освободителя, а взамен получившего ненависть аристократов, посчитавших себя ограбленными, и с другой стороны – мужиков, почувствовавших себя обманутыми в своих ожиданиях. Для оправдания перед историей и современниками у Александра оставался только один шанс воплотить в жизнь другую народную мечту: захват Царьграда – Стамбула, возвращение ему имени Константинополь, установление контроля над проливами, изгнание турок со всеми последующими последствиями. За такой успех народ простил бы неудачные реформы, Турция была слаба, как никогда раньше, можно было нападать, не опасаясь поражения. Государь, в душе большой романтик, испытывал влияние привлекательных, но опасных и сомнительных идей славянского братства. Сколько бы раз ни выступали славяне против России на стороне её врагов, царь продолжал пестовать идею объединения всех братских народов под сенью крыльев двуглавого орла. Разубеждать его было не только бесполезно, но и опасно, разгневавшись на критику его любимой идеи, Государь мог выместить свой гнев на моём народе. Я же, зная благородство царя и видя его решимость встать на защиту славян, попробовал использовать монаршую волю в своих интересах, напомнить царю и об армянах, христианском народе, тоже угнетённом мусульманами. Очень осторожно начал пропагандировать идею уничтожения турок. Мои слова упали на благодатную почву. Столкнувшись с внутренней оппозицией, император решил подбросить оппозиционерам внешнего врага, способного сосредоточить на себе всенародную ненависть. Требования к кандидатам на роль такого супостата были просты. Он должен был быть слабым настолько, чтобы победа над ним не стоила большой крови, но чтобы вид имел грозный и отталкивающий – нужно было, чтобы этого слабого и безопасного врага было не жалко. Далеко за такой кандидатурой ходить не надо было. Турция! Помимо прочих удобств, Турция годилась для отправки туда неудобных мятежных жителей Кавказа. Оказалось, царь хорошо осведомлён об участии армянских офицеров в покорении Кавказа. Больше того, идея переселения надёжных,

преданных армян на Кавказ вместо выселяемых в мусульманскую Турцию мятежных горцев оказалась близка Государю. Нужно было только организовать приток эмигрантов – армян из мусульманских стран – в Россию. Для этого нужно было сделать одно нетрудное дело – повернуть обстоятельства так, чтобы жизнь армян в мусульманском окружении стала невозможной, повторю ещё раз, сделать это было совсем несложно, и большая работа в этом направлении была уже проделана. Армяне широко использовались в военных действиях против Турции. Переселение кавказских мусульман в обратном направлении уже шло к тому времени вполне энергично. Прекрасная и выгодная операция – переселение народов, правда, не без риска. Лично мой риск был невелик, и я отчётливо его понимал, имя опасности – Англия. Англия не допустит славян до господствующего положения в мире взамен цивилизных европейских народов: германцев и британцев. Риск реальный, нешуточный, но не мой. Риск этот для русских, риск для англичан, а я армянин. В любом случае погибнут турки, ну, а это уже успех. Можно было рисковать. Нужно было внушить царю необходимость переселения. Очередной аудиенции добиться было уже несложно. Положительных результатов от этой аудиенции было больше, чем я ожидал: моё назначение командующим корпусом вторжения, обещание принять и обеспечить земельными наделами армян из Турции и Ирана, а главное, выяснение позиции Государя по плану армянизации юга России. Уже перед окончанием аудиенции я сказал: «С виду мы, армяне, похожи на кавказцев, но души у нас русские». «Я предоставлю тебе возможность показать свою любовь к России, ты будешь командовать нашей армией в Турции», – услышал я в ответ. Лучшего исхода встречи с императором невозможно было представить. Я получил возможность заниматься главным делом моей жизни – уничтожением турок, не отвлекаясь на второстепенные задачи вроде установления законности среди кавказских зверей. Кому и для чего нужна законность среди зверей? Звери они и есть звери, пусть грызутся. Трудно описать то полное ощущение удовлетворённости, что охватило меня по окончании аудиенции. Мне предстояло воевать против армии, в которой армяне занимали вполне определённое и немаловажное положение – инженеры, артиллеристы, врачи, люди, получившие образование в Европе, христиане, ненавидящие своё высшее командование – турок. Воевать против армии, большая часть которой готова выполнять твои приказы и сочувствует твоей победе, игнорируя приказы своего командования, нетрудно. С самого начала нашего вторжения поддержка христианской части населения проявила себя по-разному, иногда даже в комической форме. Как всегда, когда русская армия входила в пределы турецких владений, колонны наших солдат сопровождали толпы армянской детворы. Дети кричали хором: «Христиан, христиан», стараясь подражать марширующим солдатам. Эти сорванцы, смуглые, черноволосые, пытающиеся маршировать своими босыми ногами в ногу с обутыми в сапоги солдатами, выглядели смешно и трогательно. Тут главное было не поддаться духу комичности ситуации, не уверовать в близость лёгкой победы, серьёзно подойти к формированию и решению боевых задач. Занятие стратегических пунктов, подъём русского флага над турецкими фортификациями не были главной нашей задачей. Это были цели второстепенные, не имеющие решающего значения. Жизнь показала, что переход приграничных крепостей из рук в руки не оказывает решающего влияния на соотношение сил. Главное значение имело то, сколько аскеров нам удастся убить, и сколько своих солдатиков мы потеряем при этом. Очень эффективный способ уничтожения живой силы противника был изобретён несколько десятков лет назад, выпускником нашего кавалерийского училища поручиком Дороховым во время разгара Кавказской войны. Поручик Дорохов организовал туземных добровольцев, готовых воевать под русским знаменем и в составе подразделений регулярной армии, и в иррегулярных образованиях. Они называли себя охотниками, в противоположность своим противникам, туземцам, которых они называли зверями. Сохраняя преимущества регуляр-

ной армии по части организованности, дисциплины и снабжения, охотники налетали внезапно, по-партизански, создавали мгновенное численное превосходство и тут же, перебив максимальное количество джигитов, или зверей, как их называли русские охотники, исчезали, не тратя сил на закрепление и развитие своего достигнутого благодаря внезапности успеха. Тактика охотников включала также отслеживание малочисленных групп живой силы туземцев вне зависимости от их вовлеченности в боевые действия – это могли быть и просто пастухи или члены сельскохозяйственных артелей, даже не имеющие при себе оружия. Отсутствие оружия не обеспечивало безопасности туземцам, наоборот, безоружные звери уничтожались охотниками при каждой возможности, при каждой встрече. Туземные крестьяне знали, что даже случайная встреча с охотниками для них обозначает смерть. Имя поручика Дорохова осталось в истории благодаря литературе: во-первых, когда он был тяжело ранен, его место во главе охотников занял другой выпускник нашего училища – поэт, иногда подписывавший свои произведения псевдонимом МюлерМонтов¹, что в расшифровке значило Михаил Юрьевич Лермонтов. Второе соприкосновение с литературой произошло, когда уже упомянутый мной талантливый русский литератор, граф Толстой, использовал образ лихого командира Дорохова в качестве литературного прототипа одного из героев своего романа «Война и мир». Граф изменил лишь одну букву в фамилии, он поменял «р» на созвучное «л». Дорохов был переименован в Долохова. Использование охотников в войне против туземных партизан выявило много полезных моментов такой тактики – внезапность их появления держала противника в постоянном нервном напряжении, сковывающем боевой дух противника; опасаясь за свои семьи, звери не решались на вылазки, сидели тихо по своим саклям, а разношерстность состава подразделений охотников обеспечивала возникновение очагов полезной ненависти среди выступающих против нас племён. На Кавказе это были, с одной стороны, кабардинцы и черкесы, с другой – оказавшиеся благодаря умелой политике среди их кровников аварцы, лезгины и даргинцы. Отдельно от остальных стояли татары Кавказа, кумыки, балкарцы, карачаевцы, очень умело прячущие своё хищничество под маской миролюбия и склонностью к юмору, способные обмануть любого заезжего на Кавказ человека своей фальшивой приветливостью и широкодушием. Кроме того, плодотворным оказалось использование против турок курдов, подлившее масло в огонь взаимной ненависти этих воинственных народов. Отношение турок к курдам получило своё выражение в турецкой пословице: «Если в пустыне встретишь змею и курда, убей курда и подумай, что делать со змеей». Такое отношение усугубилось после рейдов наших охотников по тылам турецкой армии. Правда, надо признать, что и курдам, и армянам, в большом количестве воевавшим в составе охотников, их безжалостность в отношении турок обошлась высокой ценой после окончания войны и ухода регулярных русских войск. Турки отомстили в обычной своей манере, учинив резню. Людей убивали просто по национальному признаку, не вдаваясь в их отношение к турецким властям и турецким законам. Резня армян получила мировой резонанс и была осуждена, в отличие от резни курдов, мало кого заинтересовавшей. Невелика беда, мусульмане уничтожали мусульман, дай им бог силы, – так на это реагировала мировая общественность. Впрочем, и в этом, если посмотреть прагматично, можно отыскать полезное начало: после актов мести многие выжившие армянские семьи устремились на Кавказ, откуда, в свою очередь, шло изгнание кавказских народов в мусульманскую Турцию. Сейчас ещё рано оценивать эти перемещения народных масс, тут многое зависит от дальнейших действий русского высшего класса, от последовательности его национальной политики. Но и мы, российские армяне, должны осознать свою историческую роль в то роковое время перемен. Какое место мы займём среди других народов Империи, сумеем ли стать

¹ Авторский домysel.

хозяевами огромной, но слабо управляемой территории, или будем довольствоваться ролью одного из многочисленных окраинных народов – киргизов, татар, мордвы и им подобных чухонцев и малороссов? Сейчас ясно лишь, что мировое общественное мнение на нашей стороне. Хорошо осознавая, что из всей беседы, как правило, больше запоминаются первые и заключительные фразы, я уже прямо перед уходом сообщил Государю, что имею возможность получать информацию о состоянии дел в турецкой армии непосредственно от офицеров этой армии армянского происхождения. При этом упор я делал на страданиях христианских народов оттоманской империи, видящих в русском царе своего спасителя. Я хорошо знал, как импонирует царю роль защитника слабых своих братьев. В этом разговоре я коснулся также темы мухаджирства – переселения мусульманских народов России Кавказа и вообще южной России в Турцию – и отметил выгоду замены переселённых в Турцию мусульман преданными, надёжными армянами, уже сейчас готовыми всеми возможными способами служить русским интересам в случае нашего вторжения в Турцию. Создание буфера из армян на юге России было промежуточной целью по созданию естественного армяно-русского государственного образования. Направив движение в нужном направлении, я подстраховался и в скором времени закрепил достигнутый успех беседами с императрицей. Тема о страждущих, о помощи жертвам произвола была очень понятна религиозной, мягкосердечной, вдобавок болезненной императрице. Потеря двух детей – горячо любимого сына и дочки, запрет врачей на телесную близость с супругом, всё это привело её нервы в крайнее расстройство, женщина в возрасте около пятидесяти, находясь в таком угнетённом положении, просто нуждается в объекте ненависти. Большой глупостью и роковым упущением было бы не воспользоваться этой ситуацией. И я воспользовался. Императрица с пониманием вникала в мои рассказы о зверствах турок над беззащитными братьями славянами и беззаветно преданными императору армянами. Император готовился к справедливой братозаступнической войне, Мария Александровна поддерживала эту благородную готовность. Уместно отметить вредоносную деятельность ещё одного русского писателя, Фёдора Достоевского. Не знаю, с какой целью этот журналист всё время выступал с критикой панславистской идеи. Действовал ли он бескорыстно, или скрытые противники этой вполне привлекательной идеи каким-то образом смогли заинтересовать его материально, этого я, даже при всех моих возможностях, уже никогда не узнаю. С одной стороны, в деньгах он нуждался в крайней степени, страсть к азартной игре владела этим человеком, а способом заработка, кроме журналистики, он не имел. С другой стороны, кто бы стал оплачивать направленность его публицистики? Ясно, что в Турции, погрязшей в отсталости, никто не станет давать деньги на столь пустые, с точки зрения диких людей, предметы, как настроение общественного мнения, его морально-нравственные ориентиры. Скорее всего, этот человек, Достоевский, писал то, что действительно считал верным. А надо отметить, что его болезненный, полный боли и тревоги взгляд обладал способностью проникать в самую сущность вещей, в теневую область человеческих душ. Этот взгляд видел многое, о чём большинство людей даже не задумывается. А видел он и описывал вещи, весьма вредные, способные даже помешать войне с Турцией. Вот, например, что он писал в своих статьях о славянах, за которых Россия должна была начать войну: «Не будет у России и никогда ещё не было таких ненавистников, завистников, таких клеветников, даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобождёнными».

Особенно поражала эта способность Достоевского, характерная для некоторых эпилептиков, видеть и понимать недоступное обычным людям в контрасте с подчеркнутой, какой-то выпяченной грубостью и простотой его лица. Ни изысканности, ни тайны в этом лице не угадывается, смотри, сколько хочешь, ничего интересного нет в этих заурядных чертах. Простое, беспородное лицо и душа, прикреплённая к

этому лицу, скорее всего, мужицкая, самая простая, приземистая. Но это – обман зрения, его сочинения передают поразительные тайны бытия. Но, к счастью, его идеи и его открытия большой популярностью не пользовались ни в народе, ни у высшего начальства, так что помешать войне с Турцией этот злобный эпилептик не мог. Император готовился двинуть войска на Турцию.

Колдовская сила

Иззят-паша делал всё, чтобы не допустить встречи султана с колдуном Гасаном. Да и сам султан Абдул-Гамид не очень хотел встречи с джадугяром, опасаясь его неограниченной власти над событиями и судьбами. Даже если молва преувеличивает его магическую власть в десятки раз, всё равно ясно, что он волен распорядиться любой жизнью по своему усмотрению, невзирая ни на какие обстоятельства, ни на власть, ни на богатство, ни на положение в обществе. Султан признавал только один способ общения с другими людьми: беспрекословное ему подчинение, ну и, как ответное действие, раздача покорной челяди подарков – бакшишей. Абдул-Гамид не был примитивным жестоким тираном по своей природе, вид чужих страданий – физических или нравственных – был ему не приятен, даже противен. Он просто не понимал, как может осмеливаться кто-то страдать в этом прекрасно устроенном мире, где всё происходит по воле Всевышнего, где он, Абдул-Гамид, – султан! Воистину, лучший из миров. Его благодарные молитвы Аллаху были глубокими и искренними. По этой причине христиане, поклоняющиеся распятому мученику, вызывали брезгливое раздражение Абдул-Гамида, которое он если не скрывал, то не любил демонстрировать из дипломатических соображений. У христиан сильные армии, а история показывает, что с теми, кто лучше вооружён, не следует пускаться в религиозные споры. Но в последнее время мир стал обнаруживать склонность к изменению. И надо было жить в этом меняющемся мире. Мало того, что мир менялся, он делал это неправильно, независимо от воли султана. Уже не отдельные люди, целые народы отказывались от подчинения естественному порядку вещей. Безумие доходит до предела, люди идут на смерть, хватаются за оружие, убивают ни в чём не повинных стражей законности и порядка, и сами готовы на смерть из-за капризов своей глупости. В мире творилось непонятное, примером вопиющего безумия стали восстания вассальных народов, но не только восстания – глупость проявляла себя во всём. Помимо бунтов, были и другие, совершенно непонятные случаи нарушения порядка и логики. Например, поданное несколько лет назад прошение Иззят-паши наградить русского генерала, занимавшегося выселением мусульман из России. Тогда султан пошёл на уступку, наградил орденом «Меджидие» этого палача мусульман, а потом награждённый генерал вторгся со своим армейским корпусом во владения султана. Хорош орденоседец, зачем было награждать вражеского военного, который впоследствии напал на Турцию. Ясно, верный своим привычкам Иззят получил взятку от гяуров, но что на самом деле стояло за всей этой вознёй, зачем генералу христианской страны понадобилась тогда награда султана, очевидно, способная скомпрометировать его в глазах царя Александра? Поразмыслив над этим вопросом, султан решил поручить Иззяту его ликвидировать – на всякий случай, мало ли что этот удачливый полководец задумал. Каким способом устранить русского генерала, султан предоставил решать камергеру самому. Через несколько дней после приказа о ликвидации генерала с красивым, запоминающимся именем – Лорис-Меликов – султан поинтересовался судьбой человека, которого он приказал ликвидировать. И всё, и точка, чего тут рассусоливать. Но выполнить приказ оказалось непросто. Русская армия наступала, турецких агентов в русском командовании практически не было, в то время как турецкий штаб был полон русскими агентами. Тогда Иззят, добившись аудиенции у султана, рассказал об опасности, с которой ему пришлось столкнуться

при попытке ликвидации русского военачальника. Он поручил это дело сильнейшему джадугяру в султанате, – Гасану. Обычно человек, попавший во власть чар этого колдуна, умирал через несколько дней. С генералом ничего подобного не вышло. Оказалось, что этот генерал находится под защитой таких мощных демонических сил, что теперь опасность угрожает всем, попытавшимся навести на него порчу. Опасность очень велика, о ней необходимо знать самому Абдул-Гамиду. Нельзя действовать без его согласия. Надо сообщить всё, как есть, скрыть от султана ничего нельзя, последствия утаивания подробностей происходящего могут быть роковыми не только для султана, но и для всей Турции. Узнав о ситуации, султан, ввиду её необычности, решил побеседовать с колдуном. Отвечать на вопросы султана джадугяр Гасан начал издали, иначе разговор и не получился бы. Султан не любил темы о колдовстве, и все во дворце избегали её. Ввиду непопулярности темы многие моменты требовали предварительного разъяснения.

– Большинство людей исполняют написанное в книгах их судеб просто, без вмешательства ангельских или демонических сил. Но есть и такие, в исполнение судеб которых вмешиваются ангелы или шайтаны, таких сразу можно узнать по постоянной удачливости или, напротив, обилию несчастий в их делах. Вмешиваться с колдовскими обрядами в судьбы таких людей, находящихся под покровительством сверхъестественных сил, всегда опасно. – Так начал свой доклад султану колдун Гасан и продолжил: – Когда я, с соблюдением необходимых ритуалов, разорвал и сжёг портрет этого генерала и совершил другие необходимые смертоносные обряды, в волшебном кристалле должен был появиться бледный призрак человека, обречённого на скорую и неотложную встречу с Азраилом. Но вместо человеческого образа в глубине кристалла обозначился другой, и даже не человеческий, образ.

В бездонной глубине перспективы под тревожный, резко обрывающийся на высокой ноте звук внезапно обозначился образ одной из самых опасных демонесс, любимой наложницы шайтана, имеющей десятки тысяч имён, самое известное из которых – Изида, богиня рождения, смерти и колдовства. Какое обличье она бы ни принимала, любой, даже не очень опытный джадугяр, сразу узнает её по пронзительному взгляду синих глаз и высокомерному изгибу правой брови. Явившись Гасану, дьяволица начала угрожать ему и его повелителю – султану за враждебное чародейское воздействие на её фаворита генерала Лорис-Меликова, опекаемого ею. Гасан не был новичком в чёрной магии и прекрасно понимал, что угрозы Изиды – не более, чем начало торга. Но знал Гасан и её магические возможности и поспешил спросить о её требованиях. Требования оказались неожиданно минимальными – оставить в покое Лорис-Меликова, прекратить чародейство против генерала. Гасан, никак не обнаружив радости по поводу мизерности требований дьяволицы, спросил, что она даст за изменение отношения к генералу. Поразительно, но Изида сразу согласилась на огромные преимущества для Гасана. Она сама, по своей инициативе, вызвалась навести чуму на весь враждебный султану народ, обещала устроить охоту на главного врага султана – русского царя – и даже оторвать ему ноги, ступавшие порочными путями. Гасан, скрыв удивление по поводу такой дьявольской щедрости Изиды, поинтересовался с подчёркнутым безразличием, чем эта щедрость вызвана, и, сменив наигранное безразличие на иной тон, выражающий подозрение, поинтересовался, нет ли тут собственного желания Изиды покарать русского царя по какому-то своему, личному поводу. Изида, одобрительно улыбнувшись настолько, насколько можно говорить об одобрительном выражении её искажённого вечной высокомерной гримасой лица, спокойно пояснила: русский царь, один из избранников удачи, давно вызывал у неё зависть и раздражение, ей давно хотелось насладиться видом его страданий, ибо для дьявола нет зрелища привлекательнее, чем страдания находящегося под ангельской защитой человеческого существа. Сейчас царь Александр лишился той могучей защиты, что оберегает всех монархов, помазанников бо-

жиих. Этот старый развратник вызвал гнев божий, очевидно и сознательно сводя в могилу свою супругу. Она умирает от чахотки, вызванной превращением её дома, царского дворца русских царей, в общежитие для бастардов, детей царской любви. Уподобившись мусульманскому падишаху, православный царь поселил свою наложницу рядом с царицей, Марией Александровной. Смех и детская беготня бастардов омрачили последние дни умирающей царицы – мученицы. Её апартаменты расположены прямо под комнатами, где живут дети её мужа, которых царица Мария смиренно называла «Сашины дети, желающие моей смерти» и молила своего бога за здоровье и за спасение души неверного мужа, и даже за его детей. Но как только царица умрёт, и её молитва за здоровье императора Александра оборвётся, православный бог отзовёт весь легион ангелов, охранявших царя. Дьяволице, конечно, приятно видеть страдания императрицы, но больше её страданий она хочет насладиться видом страданий баловня судьбы, русского царя. И никто из демонов тоже не станет на его защиту, скорее, наоборот. Глупого царя тут же настигнут не менее глупые, чем он, террористы, до сих пор неудачливые в силу молитв православной императрицы. Я давно уже лишила русских юношей рассудка и направила их охотиться на своего царя, как на дикого зверя. Пока бомбы взрываются невовремя и пули летят мимо, лишь в силу молитв умирающей праведницы. Глупый сладострастник с короной на голове не в силах связать свою неуязвимость с молитвами покинутой, но любящей супруги, которую он загоняет в гроб. То, что разрешено султану, строго запрещено христианскому царю, сообщила Изида. Он не только потерял защиту своего бога, но и лишил её своих потомков в нескольких поколениях. Но наказания будут не только потомки царя, весь его народ понесёт наказание. Теперь все эпидемии, раньше миновавшие Россию, обрушатся только на неё. Раньше чума свирепствовала в Европе, лишь слегка касаясь России, теперь всё будет наоборот. Сбудется пророчество поэта и охотника на людей, которых он называет зверями, МюлерМонтова – *чума от смрадных, мертвых тел начнет гулять среди печальных сел, и станет глад сей бедный край терзать...* Кара вначале придёт в виде чумы. Сбудутся пророчества МюлерМонтова. Страдания брошенной умирать в одиночестве царицы распространятся на весь народ, в гордыне объявивший себя богоносцем. Если ни одного человека не будет рядом с умирающей императрицей Марией, кара обрушится на весь народ. Сейчас придворные дамы спешат заработать расположение новой избранницы императора Александра, бегут от одра умирающей с постыдной поспешностью, оставляя её одну перед внушающим ужас мраком небытия. Они боятся немилости своей новой госпожи. Люди, объявившие сыновей других народов зверями, а себя – охотниками, уже никак не защищены общим для всех всепрощающим Господом. Но если ни одного человека не окажется рядом с умирающей, проклятие и наказание не минуют всех людей Империи, поделённых на зверей и охотников. Сейчас многие озабочены, как бы угодить той, безжалостной и аморальной, которая наверняка станет следующей женой императора, и никто не вспоминает об одинокой, умирающей императрице Марии Александровне. Союз абсолютной власти императора и абсолютной вседозволенности его новой супруги принесёт свои ужасные плоды очень скоро, в результате погибнет несметное, измеряемое миллионами, количество жертв. Потом, окончательно впав в безумие, люди начнут охотиться на своего монарха, а убив божьего помазанника, императора, они начнут рушить божьи храмы, множа свои мерзости, с восторгом упиваясь своей непотребностью, начнут поклоняться шайтану, занявшему место божьего помазанника, и чума, война и голод распространятся среди поклоняющихся шайтану. Есть ещё одно обстоятельство, сохраняющее жизнь императора Александра. Успешное его убийство должно носить ритуальный характер, для этого оно должно быть осуществлено под руководством женщины, по взмаху её платка, подобному тому взмаху платка, что вызывает заражённых чумой из их нищих хижин. Для этого лучше всего мне самой

вселиться в избранную мной одержимую бесовской силой женщину. Это не так просто. Необходимо, чтобы эта новая жрица, моя помощница, обладала выдающимися качествами. Таких людей немного, особенно среди женщин.

Лисий хвост, волчья пасть

Турки сдались, ушли и оставили свою крепость Карс, за это царь пожаловал мне титул графа и саблю с надписью «За храбрость» и с литой, из золота рукояткой, которую так приятно держать в руке. Золото узнаваемо на ощупь, так, словно это сама царская милость превратилась в металл, и вот она у меня в руке, золото не спутаешь ни с железом, ни с медью, ни с одним из металлов. Кажется, единственный взмах этой тяжёлой сабли повергает в прах тысячи турок. Если считать по справедливости, половина моих наград должна бы достаться Ашоту, взорвавшему пороховой погреб в крепости. Ашот, прошедший военное обучение во Франции, лучший артиллерист в армии Мухтар-паши, блестяще провёл диверсию. Вот что значит быть настоящим сыном своего народа, иметь армянский подход, всегда и во всём помнить об интересах своего народа и руководствоваться ими и только ими во всех делах. Родиться армянином – небольшая заслуга, это всего лишь шанс стать настоящим человеком, не больше того. Если тебя родила мать армянка от армянина, то ты должен каждый день подтверждать свою принадлежность к числу лучших людей на Земле. Остаться армянином до конца, сохранить высокое имя непросто, сделать что-то, что добавит славы и пользы всему народу, – твой долг. И если ты не чувствуешь в себе никаких талантов, это нестрашно, служить народу можно, просто уничтожая его врагов. Это необязательно делать явно и с риском для себя, можно, и даже нужно, действовать скрыто и осторожно, это и называется армянским подходом – достигать высоких целей обыденными средствами. Улыбаться в лицо врагам, говорить им приветливые слова, методично истребляя, – это значит быть настоящим армянином, одним из тех, кому светит солнце. Теперь в моей жизни наступил именно такой период. Помимо других поощрений, Государь назначил меня начальником Карского края, а это и есть та скучная, кропотливая и неинтересная работа, где требуется систематический, аккуратный труд по разбору бытовых дрязг турок и армян. Разговаривая с турками на их языке, я никогда не оскорблял их религиозных и национальных чувств, зачем? Мои верные охотники армяне и курды уничтожали турок столько, сколько могли, выстрелы их оружия гремели по всей Турции и не смолкали ни на мгновение, а моё дело было грозить охотникам страшными карами за нападения на мирных жителей, принимать жалобы и не лениться изображать гнев по поводу несправедливостей оккупационных властей. Но как бы ни тупы были турки, постепенно и они начинали понимать, что на самом деле охотники никакого наказания за уничтожение мирного населения не несут. Я действовал осторожно, но, к сожалению, и среди турок попадаются не совсем глупые. Было объявлено, что охотники, виновные в убийствах мирных жителей, будут отправляться в Сибирь на вечное поселение. На самом деле их просто переселяли вдоль Черноморского побережья, на Кавказские Минеральные Воды и за Кубань, в благодатные места. Но долго выдавать поощрительное переселение за наказание не удавалось, причём по вине наших же хвастунов. На словах сосланные в вечные сибирские снега, они сообщали своим бывшим соседям, что теперь живут возле моря и имеют выгоду от портовой торговли и другие преимущества. Запретить армянам хвалиться своим достатком и выгодными приобретениями – дело бесполезное, но эта ситуация порождала недовольство турок, кроме того, родственники убитых охотниками «зверей», смирившиеся с тем, что хоть их близкие и погибли, но убийцы наказаны по справедливости, и отказывались от мести, но поняв, что они сами стали всего лишь жертвами обмана и никакого наказания убийцам не последовало, становились опасными мстителями, причём мстить

они хотели теперь не одним только убийцам своих близких, но всем, связанным с русской государственной властью, в первую очередь мне. Для устранения этой опасности я передал взятку чиновникам из Стамбула, внёс деньги в личную казну султана Гамида. Взамен я потребовал вторично наградить меня орденом «Меджидие», ношение которого меняло отношение ко мне турок от самого враждебного до уважительно-раболепного. У меня уже был этот орден, и я знаю, как обладание им влияет на турок. Думаю, это был единственный случай в истории, когда главнокомандующий корпусом вторжения мог похвастаться орденом страны, подвергнувшейся нападению, и это был замечательный пример настоящего армянского подхода. Хотя все, конечно, знали, чего стоят ордена султана, всё-таки вручение ордена мне на какое-то время уменьшило опасность покушения на мою жизнь какого-либо мусульманского фанатика. Сами собой, без моего участия, пошли слухи о моих тайных контактах с султаном. Друзья по Кавказу, Лазарев, Назаров, Тер-Гукасов, Туманов и другие армянские офицеры, узнав о моём награждении турецким орденом, прислали поздравительную телеграмму, назвав моё награждение самым ярким примером успешного армянского подхода, известного истории. А ведь действительно я, как никто другой, много сделал для того, чтобы подтолкнуть двух монархов к большой войне, и сумел при этом получить высокие награды от верховных властителей воюющих сторон. Конечно, многие туземцы вынашивали против меня планы мести, самые разнообразные. Так, мне стало известно, что люди султана обращаются к колдунам, чтобы силой их чар меня ликвидировать. Дело о моей ликвидации с помощью колдовства было поручено камергеру Иззят-паше, известному своими связями с самыми тёмными личностями, но я с помощью своих агентов при дворе, прежде всего, Нудар-паши, контролировал действия врагов. Внезапная смерть Нурланы катын, известной в Стамбуле ведьмы, напугала многих при дворе, знавших о посланном ей предупреждении и запрете чародейства против христианских военачальников. Колдунья, известная своим упрямством, игнорировала запрет, да ещё и хвасталась этим. Устрашающий ночной вой, распространявшийся во владениях внезапно умершей Нурланы, заставил трепетать не одну ведьму в Стамбуле. После этого ни одна из наложниц шайтана не осмеливалась колдовать против меня. Стихли колдовские бубны и заунылые звуки чарующего плача зурны дворцовых ведьм. Лишь шипение слова «Исида, Исида» распространилось в наступившей тишине. Колдуньи были повергнуты в трепет, поражение врагов было полным и всеохватывающим, враги были сражены и на поле брани, и в колдовских сферах, всюду.

Когда чума от смрадных, мертвых тел начнет бродить среди печальных сел, чтобы платком из хижин вызывать ...

Экспедиционный корпус Лорис-Меликова, щедро напоивший сухую землю Турции кровью её защитников – аскеров, вернулся в Россию в компании с чумой. Мрачная картина, изображённая за полвека до возвращения экспедиционного корпуса из турецкого похода в гениальном провидческом произведении МюлерМонтова «Предсказание» обрела своё воплощение – чума пришла и стала гулять среди печальных сёл и начала вызывать из хижин их обитателей взмахом своего белого платка с вышитым на нём черепом и перекрещёнными костями. Правда, чума пришла ещё до падения короны царей, с которого начиналось пророчество поэта, звучавшее дословно так: «*Наступит год, России чёрный год, когда царей корона упадёт ...*», но эпидемия предваряла жуткое убийство царя. Обезумевшие юноши из православных семей, воспитанные на вере в бога, преданности батюшке-царю и матушке-России, почтительные сыновья горячо любимых родителей, никогда не огорчавшие папеньку с маменькой даже пустячным непослушанием, вдруг, по непонятной причине, в одночасье превратились в иступлённых бесов, одержимых сатанинской страстью царе-

убийства. Царь, живое воплощение русского духа, человек, несущий непосильное бремя общенародной судьбы, – и вдруг его хотели убить! Убить царя? Зачем? Чтобы осчастливить народ, душа которого воплощена в самодержцѣ? Это вроде убийства своих родителей с целью достижения семейного счастья. Ни здравый, ни даже больной ум не может вместить идею цареубийства. Обречь на сиротскую долю сразу миллионы соплеменников и единоверцев, совершить это максимальное злодеяние ради сомнительного удовольствия ощутить петлю у себя на шее? Страшно подумать о таком исходе событий. Они называли себя народовольцами, и интересно понять, волей какого народа руководствовались цареубийцы? Того ли народа, в среде которого всегда трудно было отыскать готового исполнять роль палача, для казней осуждённых и признанных законом злодеев, того народа, среди которого не было желающих лишать жизни осуждённых, убивать даже за деньги и с одобрения властей и церкви, среди этого народа желающих казнить было так сложно отыскать, что государственный палач Иван Фролов успешно использовал свою монополию, каждый раз от казни к казне требуя повышения своего гонорара. Но царь ощущал себя загнанным зверем среди любившего его некогда народа. Как это могло произойти, непостижимая тайна. **ВДРУГ, ВНЕЗАПНО, ВСЁ ИЗМЕНИЛОСЬ В ЖИЗНИ ЦАРЯ.** Ненависть поселилась там, где была любовь. Это нужно было постараться, запутаться в делах любовных на склоне лет, имея идеальную супругу, почтительных детей, абсолютную власть. Люди – все, даже цари, вопреки поговорке, ищут добра от добра. Царь наделал глупостей. Начать с того, что женился по любви на девушке сомнительного происхождения. Любовь, ненадёжная порука, исчезает внезапно и бесследно, а родословная остаётся. Зачем он женился на ней? Хотел сделать счастливой девчущку из Дармштадта? Воплотить в жизнь сказку о Золушке? Нелепо, он тогда в финальном акте посидел бы лучше возле умирающей императрицы, в предсмертной тоске протирающей руки в пустое, чёрное безлюдье. Что, он не знал, как ей надо, чтобы в последний момент её жизни муж был рядом? И если сам не догадывался, разве не с кем было посоветоваться? Ведь недалеко, в том же городе, жил человек, постигший тайны мироустройства, истинный мудрец, знающий сокровенные тайны жизни. Уж он точно отговорил бы царя от вторжения в чужую страну под предлогом защиты своих будущих завистников и ненавистников. Он нашёл бы слова, чтобы показать мерзость предательства Золушки, оставшейся верной своей сказочной роли, своей любви. Правда, вид у вдохновенного пророка, способного дать спасительный совет, конечно, был неказистый, тот ещё видок, похож он был на бурлака, выгнанного из артели за пьянку, да и вообще эпилептик. Глаза – страшные, глаза одержимого пророка, видящего истинное положение вещей, порой в яркой вспышке предстающее перед ним. Официальные советники у императора были, конечно, не чета этому эпилептику – солидные, мордатые, в вицмундирах, с орденами и в бакенбардах. Вот они-то и посоветовали напасть на слабую страну – соседку. Можно пожить, ничем не рискуя, да и оправдание есть: братья страдают под гнётом басурман – супостатов. Но, увы, мир – это калейдоскоп стремительно меняющихся иллюзий, страдающие братья во всех последующих войнах будут воевать против ненавистной им заступницы – России, а Турция слаба лишь в военном отношении. В оккультном лучше было бы туда не соваться, последствия вторжения оказались роковыми. Александр был убит террористами, трещина пробежала по монолиту Империи, и создававшаяся тысячу лет Империя вступила в двухсотлетний период саморазрушения.

Саша, Маша и диктатор

Удача есть удача, она не зависит от человеческой воли, и я просто попал на счастливую волну. Государь уверовал в мою способность управлять событиями и противостоят бедам. Не успев вернуться из Турции, я был брошен в водоворот совер-

шенно иной баталии. Государю угодно было направить меня на борьбу с чумой, грозившей охватить всю Империю. Чума, чума накрыла державу, победившую в войне. Царь не захотел внять и этому, ясному и грозному предупреждению, посланному свыше, он не отвратился от своих пагубных страстей. Что ж, мученица скончалась в одиночестве, и её молитва за монарха прервалась. Пошла на убыль и смертоносная зараза, но это было случайным совпадением. Сам царь после смерти праведной мученицы был уже обречён, он был взвешен на тех весах, где с глубокой древности взвешиваются цари, и найден слишком лёгким. Предупреждения сверху закончились, и убийцы вскоре настигли монаршего безумца. А спад эпидемии был ошибочно засчитан при дворе как мой очередной административный триумф. Говоря откровенно, накануне я испытывал потребность проведать умирающую императрицу, но сумел преодолеть этот порыв. Зная характер любовницы Государя, княгини Долгоруковой, я чётко понимал, что она не простит мне этого поступка, а ведь предстояло подписание моего проекта конституции, и влияние этой женщины на Государя трудно было преувеличить. Если покойная супруга с восторгом принимала все решения обожаемого мужа, то нынешняя избранница могла создать затруднение при приёме конституции, руководствуясь хотя бы примитивным женским тщеславием: «Какая конституция, когда у тебя есть я, никакой конституции нам с тобой не надо. Это раньше нужна была конституция, при ней теперь всё будет по-другому, у меня есть штучки получше твоей дурацкой конституции, вот, посмотри-ка. Что, нравится? По глазам вижу, как нравится, нравится».

Между тем Конституция была обещана мной руководителям Исполнительного комитета Народной Воли, тем людям, которые вычеркнули моё имя из списка генерал-губернаторов, приговорённых к «казни». Так они называли свои противозаконные злодеяния. Я обещал им конституцию и послабления наказаний, ведь революционеров вешали – умных, благородных людей, получивших, к тому же, хорошее образование. Вешали по пустяковым поводам, например, за пожертвование денег на пропаганду крамолы. Шутить эти люди не были расположены, за невыполнение обещаний следовала смерть. Они вообще любили убивать, не меньше, чем царская власть. И у тех убийство было в широком ходу, и у других. Дал свои деньги на распространение крамольных идей – пожалуй на виселицу. Яркий пример тому – казнь Лизогубова. При таких нравах в ближайшее время в Империи не должно было остаться приличных людей, только палачи и доносчики, но прочную власть на палачах и доносчиках не построишь. Государству для существования нужны труженики-созидатели и герои-защитники, а из палача и доносчика ни героя и ни труженика произвести невозможно. Если некого казнить и не на кого доносить, они быстро превращаются в малоподвижных бездельников весом в десять пудов и больше. Смягчение нравов было необходимым условием продолжения существования державы. Нужна была конституция, почвой для её принятия можно было сделать прекращение террора. Я не успел лишь на день, только на один день, эти безумцы убили уже согласившегося на конституцию императора. Ну, пусть не конституцию, а как бы конституцию, отдалённое её подобие. Эх, ему бы править в мусульманской стране, там его страсть к многожёнству не была бы наказана так строго, как это произошло в России. А в России должен править армянин. В наших семьях глава – женщина, и это исключает такую мерзость, что произошла между Сашей и Машей, Александром Николаевичем и Марией Александровной. Взял и поселил любовницу этажом выше брошенной, умирающей, некогда любимой жены, так и чернокожий людоед из Африки, вся одежда которого – кольцо в носу, не поступил бы, постеснялся бы. Но православный русский царь не постеснялся. Неужели он думал после этого счастливо жить с молодой? Постарел, тяжело стало бегать по девочкам? Решил своей пустой головой сократить дистанции между постелями? А тяжело бегать, так не дистанции укорачивать, тут уже и не бегать, постыдиться надо. Эх, да что говорить, всё погубила его

запоздалая блудливость. Мало того, что императрицу поселил под покоем любовницы, он ей каждый день письма писал. Во дворце все письма, считай, на стене написаны, в тайне сохранить написанное невозможно. А он так старательно описывает то, что знать никому не положено. То ли угасающую страсть подогревает, то ли... Сколько работы было проделано, сколько препятствий преодолено. Теперь ясно – мои противники постараются меня убрать, им не объяснишь, не докажешь, что время предъявляет новые требования к тем, кто хочет повелевать. Повелитель должен быть не только строг к народу, но и хитёр, должен выглядеть добряком, причём добряком надо выглядеть в первую очередь, а строгим – во вторую.

Символом власти раньше был скипетр, пришедшая из тьмы веков палка, которой властитель погонял людей и живших с ними в союзе волков. У кого скипетр, тот и властитель. Теперь место скипетра заняла маска, прячущая лицо повелителя. Повелителем стал тот, кто умеет прятать лицо и надевать соответствующую моменту маску. Мои противники продолжали хвататься за скипетр, за палку, за отживший своё символ. И это странно, ведь среди них были очень умные люди, и они должны были понимать, что только умеющий скрывать своё лицо, умеющий обманывать толпу может рассчитывать на власть. Но теперь, когда не стало поддерживающего меня монарха, это уже было неважно, ясно, что для моих врагов самым простым и надёжным путём является моё устранение, простое убийство. Понимая своё положение, я жил в ожидании покушения.

Когда я увидел идущего мне навстречу невысокого человека в кургузом пальто светло-бежевого цвета, прячущего руку в кармане своего нелепого пальто, я сразу понял – иудей, сейчас он будет стрелять. Если бы я попытался спастись, убежать, это бы не дало мне ничего, кроме позора. Но я вспомнил бабушкины слова о том, что ни клинок, ни пуля мне не причинят вреда, и не отшатнулся от направленного в меня пистолета. Я вывернул этот ствол из руки иудея, а тыльной стороной левой руки вlepил ему затрещину. Тут же подскочил одетый в партикулярное жандарм, вдвоём мы скрутили мерзавца и передали другим жандармам. В те годы террор ещё делал свои первые неуверенные шаги.

Человек опытный, изодранный стрелял бы в голову, а этот направил ствол мне в бок. Впрочем, стреляй он не в бок, а в висок, результат был бы тот же, бабушкина защита всё равно отвела бы пули. И вот тут я смалодушничал, нарушил запрет на ненужную болтовню, сказал, что меня пуля не берёт. Ясно, что эти мои слова никто всерьёз не принял, но всё равно мне следовало вести себя сдержанней и осмотрительнее. При таких обстоятельствах первые мгновения всегда очень много значат. Я присоединился к допросу покушавшегося на мою жизнь, когда жандармы уже поработали с ним, а проворные и гостеприимные черти уже начали его знакомить с основными достопримечательностями места, куда он определился на вечное пребывание. Фамилию, место жительства и сословную принадлежность он уже назвал, спрашивать об остальных участниках преступления было бесполезно. Среди представителей иуд иного племени немало храбрецов и упрямцев, один из них, судя по всему, сидел передо мной. Пытать его было бы бесполезно, однако мне очень любопытно было узнать, кто подготовил покушение на меня. Многие заставляло думать, что в числе причастных к покушению есть важные чины жандармерии, большая часть генералитета придерживалась консервативных взглядов и, соответственно, видела во мне врага. Вот кто действительно боялся реализации моих либеральных помышлений. Честно говоря, я был уверен в причастности Победоносцева к покушению. Так или иначе, дело не обошлось без участия русских националистов, ни на миг не забывавших о моём армянском происхождении. Для этих людей подчинение любому иностранцу было невыносимым оскорблением. Только по этой одной причине они готовы были на государственные преступления, лишь бы ограничить мою власть. Но кроме национальной ненависти было ещё одно основание подозревать Победоносцева –

его идейное со мной несогласие, нежелание проводить предлагаемые мной реформы. Понимание неизбежности и необходимости реформ только усиливало ненависть ко мне Победоносцева и других консерваторов. Да, реформы назрели и необходимы, но хитрый армянин использует их в своих интересах, и поэтому нам эти реформы не нужны ни в коем случае. Простая мысль о том, как желательно для Победоносцева было бы моё физическое устранение, делала ясным его причастность к покушению.

Спрашивать Младецкого напрямую было бесполезно, и я, взяв пистолет, из которого он пытался меня застрелить, и, не имея конкретного плана ведения следствия, спросил его, тот ли это пистолет, из которого они убили князя Кропоткина? Пистолет я взял механически, возможно, чтобы подчеркнуть теперешнюю разницу наших положений. Я с оружием, а он арестованный. Младецкий тут же соврал, что пистолет он украл из полицейского участка и не знает, кого убивали из этого оружия раньше. Украсть пистолет из полицейского участка, не подняв при этом шума, без стрельбы, втихомолку, невозможно, это не булку в кондитерской украсть, ясно, оружие террористу дали сами полицейские вместе с конкретным заданием использовать его против меня. Видимо, этот Ипполит Младецкий был не только невезучим человеком, но вдобавок и не очень умным, потому что надеялся, что жандармы помогут ему как-то выбраться из его нынешнего безвыходного положения. Отказавшись признать, что пистолет ему дали жандармы, Ипполит этим самым подтвердил своё с ними сотрудничество, в противном случае он не упустил бы возможности оговорить их. Зачем идущий на виселицу будет выгораживать полицейских? Он, наоборот, постарается максимально оговорить их. Значит, он каким-то образом надеется на их помощь, не желает давать против своих возможных спасителей показаний. Утвердившись в этом подозрении, я так и спросил Младецкого, абсолютно уверенный, что отрицательно он ответит только в том случае, если действительно получил пистолет от жандармов. Я стремился скрыть напряжение, с которым ждал ответа. Младецкий ответил отрицательно. Для меня это значило, что Победоносцев и другие консерваторы причастны к вооружению террориста, пытавшегося меня застрелить. Стало ясно, что консерваторы не остановятся ни перед чем. Раз они вооружили моего убийцу, они не допустят приёма конституции любой ценой. В моём воображении возникла мрачная картина – вереница людей, устремлённых на тот свет: умирающая от чахотки императрица, император, на которого, как на зверя, охотятся сами обречённые на казнь безумцы-самоубийцы, по-нищенски худая, как сама смерть, страшная востроносая баба – чума, платком вызывающая из убогих хижин умирающих больных с гнойными бубонами. Сколько сил, затраченных впустую, сколько невероятно сложных комбинаций осуществлено, всё впустую. Чего стоило выйти на контакт с Исполнительным комитетом Народной Воли, договориться о взаимном ненападении с этой шайкой психически больных людей, помешанных на убийствах. Они провозглашали борьбу за свободу и равенство, но я-то понимал, что на самом деле они жаждут только крови. Они и сами не способны были осознать свою истинную, скрытую страсть. На убийство никакая свобода, никакое равенство не могут вдохновить, кем бы обречённый ни был, хоть трижды тираном. Ничья смерть никого не может сделать свободным. Договориться с этими одержимыми убийством человекоподобными существами очень трудно. А установление дружеских отношений с переселяемыми в Турцию чеченцами и черкесами? А турки, почтительные и послушные, передававшие благодарственные сообщения царю о моём справедливом правлении, после того, как мои охотники вполночь сократили их количество на занятых нашей армией территориях? Всё это не свалилось с неба, это всё было результатом моей целенаправленной работы, результатом моего армянского подхода. И вот, похоже, что все приложенные мной усилия, все достижения оказались впустую – конституцию, спасительную для России, задушат Победоносцев и его единомышленники, а я, уже не молодой человек, оказался без покровительства монарха, не способный диктовать свою волю в политике.

Убийца-неудачник

Известие о покушении на меня быстро распространилось по городу. Государь император повелел мне явиться во дворец, где я был встречен как вернувшийся из военного похода триумфатор. Признаться, эта неуместная, никак не соответствующая печальному положению вещей атмосфера триумфа смутила меня настолько, что, рассказывая о случившемся, я в очень сдержанной манере просто пересказал Государю полицейский протокол о случившемся. Кажется, Государь остался недоволен сухостью моего рассказа, но, впрочем, никоим образом не дал мне почувствовать своего недовольствия. Так, легчайший флёр неуловимого настроения. Я же больше следил за реакцией княгини Долгоруковой, но, к моему огорчению, не обнаружил в её настроении явных признаков сочувствия пережитому мной. Реакция княгини не была оживлённее, чем нежели я бы рассказывал о поломке колеса моей кареты. С тяжёлым чувством оставил я Государя, почти лишившись надежд на быстрое подписание моего проекта свода законов, в который я замаскировал некое робкое подобие свода основных государственных законов. Приехав домой, я обнаружил, что меня дожидается незванный гость, молодой писатель Всеволод Гаршин. А пришёл он просить меня спасти того мерзавца, что накануне покушался на мою жизнь. Действительно, правы те, кто говорит о загадочности русской души. Просить человека хлопотать о помиловании того, кто хотел его убить! Такое, конечно, мог придумать только русский! Зачем же я буду спасать желавшего моей смерти? Гаршин без умолку молот чепуху о необходимости прервать цепь насилия и зла, и что только я сейчас могу это сделать, если ходатайствую перед императором о сохранении жизни этому террористу. Я заочно знал этого Гаршина, одно время, имея в виду ненормальный интерес русских к художественной литературе, я счёл необходимым заочно ознакомиться с наиболее модными её представителями, способными распространять крамольные идеи, Гаршин входил в их число. Сейчас, разговаривая с ним, я своим безошибочным национальным инстинктом ощутил, что вдобавок ко всему я говорю даже не с русским, а с турком. Этот турок уговаривал меня спасти человека, желавшего моей смерти. Интересная ситуация, даже комичная. Все доводы, которые приводил этот писатель в защиту террориста, работали, в моём понимании, против негодяя, но я нисколько не пытался возражать, наоборот, руководимый моей давней любовью к игре кошки с мышкой и желанием проверить мою национальную интуицию, подсказывавшую, что я говорю с турком, хорошо выучившим русский язык, я невзначай перешёл на турецкий. «Что вы изволите сказать, Михаил Тариэлович? – переспросил Гаршин. – Вы говорите на татарском? Вас, вероятно, ввела в заблуждение моя внешность? Да, действительно, мои предки были татарами, этот язык сходен с турецким, но я, увы, не владею языком своих предков. Говорят, моя фамилия свое начало берёт от прозвища – Гарыших, что значит смешанный, так называли людей с татарской кровью». «Жаль, – ответил я, – мне так нравится этот язык, и я с удовольствием продолжил бы наш важный разговор на татарском или на турецком, я свободно владею обоими». Мне было приятно ощущать, что жизнь vykреста из иудеев, пытавшегося меня убить, теперь зависит полностью от меня, ведь мне ничего не стоило просто своей властью отменить казнь, и приятно было ощущение верности моего национального инстинкта, я безошибочно ощутил врага там, где его, казалось, быть не могло. Убедившись в своей способности распознавать врагов, я поднялся с места, давая понять, что аудиенция закончена. И на прощание, прямо глядя в глаза этому дураку, пишущему книги для других полоумных, я сказал: «Чагырылмамыш гонаг татардан писту (незванный гость хуже татарина), – пояснив: – Я сказал, что приятно было поговорить на прекрасном татарском языке. С утра буду заниматься уговорами Государя о помиловании Младецкого. Почти уверен, что мои доводы убедят нашего милосердного и разумного Государя точно так же, как ваши доводы убедили меня».

Казнь

Как всегда во время публичной казни вся площадь была заполнена людьми. Я пришёл рано, так, чтобы спокойно рассмотреть не только участников спектакля, но и зрителей. Меня удивило присутствие на казни Достоевского, помню, в тот день я впервые заметил несоответствие незначительности его лица и высоты лба. Лицо самое заурядное, без всяких признаков утончённости и не освещённое незримым светом яркого ума, но лоб мыслителя. Зная нервный склад этого человека, я никак не ожидал увидеть его на казни. Но потом я подумал, что он, как писатель, охотится за впечатлениями. В конце концов, как бы он ни жаловался на скудность своих гонораров, платят ему совсем не плохо. Я, человек абсолютно не жадный, но и я столько бы не платил. Говорят, Толстому платят щедрее, да и Тургенев получает прилично. Но всё это говорит лишь о неумении управлять финансами, ни о чём больше. Платить за фантазии – это очень глупо, как же нужно не ценить деньги! Выдумки ничего не стоят. Вон и Николай Некрасов неплохо гребёт деньгу на своих вредных, крамольных виршах. Но Николай Алексеевич, бог с ним, он вообще везунчик, ему и в карты прёт, как реке в половодье, и бабы крепостные у него всегда хороши были, удача во всём: и в любви, и в картах. А он, старый лис, за освобождение крестьян ратовал в своих стихах. Да будь все эти Фёклы и Марфы свободны, ты бы, Николай Алексеевич, на бусах и серёжках разорился бы ещё в давние времена. Вон теперь уже некоторые бабы французские духи стали требовать за согласность, вот она, свобода, до чего доводит! Никаких гонораров на их цацки и духи близко не хватает. Слякянка французских духов стоит куда дороже, чем бутылка водки. Но наш пострел везде поспел, мне докладывали, что денежные дела у моего старого друга сейчас наладились. Но и неудивительно. Потом я повстречал Гаршина, аж мне плохо стало. Поставь этого татарина рядом с Младецким, никто не угадает, кого из них сегодня должны повесить. Младецкий был, конечно, бледен, и взгляд у него выражал страх, но Гаршин! Его чёрные, полные боли и ужаса глаза метались с невообразимой скоростью по нежиловому, застывшему в восковой неподвижности жёлтому лицу, на котором уже запечатлелось прикосновение смерти. Не только своим неживым оттенком запечатлелось, но прежде всего застылостью черт. Гаршин был абсолютно жёлтый и был похож на ходячего мертвеца, хотя я, конечно, никогда не видел человека, восставшего из гроба, но если бы я собрался описать такого, то, имея две натуры на выбор, на помощь воображению призвал бы зримый образ Гаршина, а не Младецкого. Увидав меня, Гаршин бросился ко мне. И я, человек военный, чьё ремесло – смерть, почувствовал себя нехорошо.

«Умолял на коленях, в прямом смысле, я на коленях умолял, а в ответ слышу: – Чем горячее ты за него просишь, тем мне очевиднее его злодейство. Пусть спасибо скажет, что нынче четвертование отменено. По мне, так заслужил четвертование», – сказал я Гаршину, якобы передавая свой разговор с Государем, взял его за локоть и склонил свою голову ему на плечо. Гаршин заплакал неожиданно и навзрыд. В этот момент я встретился взглядом с одним из филеров, охранявших порядок на плацу, я знал его в лицо. В ответ на вопросительный взгляд соглядатая так же молча, движением глаз, я ответил, что не надо вмешиваться. Потом, пройдя вперёд, обменялся поклонами с Достоевским. Не казнь, а собрание столичных писателей. Мысль моя снова вернулась к слабости и неспособности столичного общества к настоящей, полноценной жизни со всеми её печалью и радостями. Вообще, в русском быту сочинители занимают непропорционально большое место. Люди, народ подхватывает их ненатуральные, искусственные мысли и присваивает эти мысли себе. К чему это ведёт? Толпа людей с искусственными, навеянными чужими фантазиями мыслями крайне опасна. Попав под влияние, скажем, Достоевского, каждый может копировать его эпилептические припадки, но кто может видеть взаимодействие космиче-

ских первостихий, их борьбу между собой и согласное влияние на существование человека, на его жизнь? Для этого надобен талант ясновидения, достигающийся едва ли одному из ста миллионов. В результате остаются одни вредные мысли, и они заразны. Это подобно распространению чумы, с которой я недавно столкнулся в Ветлянке. Можно даже сказать, что отсутствие сочинителей, этих ненужных, бесполезных людей свидетельствует о духовном здоровье нации. Если взять в качестве примера наш великий народ, то мы видим, что за семь тысяч лет его писаной истории никто из армян не опустил до создания книг о частной жизни людей. Не мужское это занятие. Мужчина должен защищать принадлежавшие его народу земли, возделывать их, вести заморскую торговлю, умножая национальное богатство, на всякий случай собирать сведения о соседях, об их сильных и слабых сторонах. К перу и чернилам можно прибегать лишь для составления перечня богатств, описания великих дел своего народа и написания завещаний потомкам. Описывать жизни отдельных людей, дела личные, дела семейные – занятие пустое, недостойное. У грузин, народа, отдалённо напоминающего наш народ, писателей тоже, как и у русских, очень много, и это одна из причин их отставания в развитии по сравнению с нами. Писатели мешают победному шествию нации. Взять хотя бы день казни Младецкого. Посмотрите, сколько писак собралось на Семёновском плацу в этот день. Слетелись, как вороны, учувшие мертвечину. Пришёл эпилептик-националист Достоевский, приплёлся Гаршин, татарин, не знающий своего языка, жалкий человек, ничтожный настолько, что полезное и нравоучительное зрелище казни, порождающей богатые переживания и важные изменения в душе каждого нормального человека, повергло его в состояние безумства, из которого он впоследствии так и не смог выбраться и в результате так и погиб сумасшедшим, через семь лет совершив самоубийство. Да и его старший коллега по перу, Достоевский, описатель несчастий и унижений, крушений судеб Достоевский тоже недолго протянул после зрелища казни. Ну, эти, туда им и дорога, от них столько вреда, не перечать! Особенно жида, с их хитростью и жадностью на всё готовы, чтобы сбить христианина с пути истинного. Вот недавно я сам крамолу разоблачил, такую, что впору четвертованием наказывать, а спрятана так, что сразу и не распознаешь. Кто-то, я пока не выяснил, кто, придумал переиздать «Мёртвые души», и в этом, вроде, ничего плохого нет, книга цензурой разрешена и не раз уже издана. Но иллюстрации! Смотреть страшно. То, что в Чичикове сразу вороватый министр финансов Абазя проглядывает, это не очень хорошо, а что у Манилова лицо армянское, и бакенбарды, как у меня, это даже неплохо, пусть люди посмеются и послабление либеральное ощутят, это даже полезно, либерализм, но без баловства, приветствовать надо, пусть люди поймут, что у штурвала государства – мечтатель, фантазёр, шутник, можно сказать, но ведь в Ноздрёве только слепой Государя Императора не различит! И фуражка офицерская с белым холщовым верхом. Это уж никуда! Страстность, чисто ноздрёвская, изобличается иллюстрацией, а Государев темперамент для кого у нас тайна? Гладиатор, чисто гладиатор в спальне Долгоруковой, как на арене Колизея. А вместо стального шлема на голове – холщовая фуражка, тут не спутаешь. Хорошо, мне Салтыков-Щедрин подсказал, со смехом, но я издание крамольной книги остановил. Правда, её уже несколько экземпляров издать успели, ушли в продажу, говорят, до пятидесяти копеек цена доходит! ПРЕДВИЖУ дальнейшее подорожание. Казнь Младецкого стала важной временной вехой в жизни нашей Империи. Через год после казни страшные потрясения ждали державу. Череды неудавшихся покушений на Государя завершилась его убийством. Чародейство джадугяра Гасана обошло все препятствия – и охранительные молитвы праведной, уже покинувшей этот мир, навсегда умолкшей императрицы, и помазание божье – всё было преодолено яростью Исиды, сумевшей отыскать себе соответствующее по значимости воплощение, симметричное, но с противоположным знаком – сестру милосердия и учительницу, аристократку, дочь губернатора, она точно соответствовала

всем характеристикам Исиды, но с точно противоположным знаком. Софья Перовская – зеркальное отражение демонессы, Софья Львовна была, как это случается почти всегда, погублена пустячным вначале грешком, овладеть её душой Исиде удалось через незначительный грех – дочернее непослушание. За упрямым непослушанием последовала любовная страсть к убийце Желябову и следом – дальнейшее подчинение силам тьмы. Исиде для убийства божьего помазанника нужен был падший ангел, и она нашла его, точное своё отражение, но с душой противоположного, белого цвета. Почти все участники заговора были схвачены, не без помощи, как это водится, предателя, пытавшегося предательством спасти свою совсем ещё юную жизнь. Едва ли существует документ более печальный, чем его прошение о помиловании. Девятнадцатилетний мальчишка, совершивший цареубийство, повлекшее за собой цепь колоссальных трагедий, цареубийство, ставшее истоком великих рек крови, этот несчастный, запоздавший в умственном развитии ребёнок, Рысаков, просит сохранить ему жизнь, взамен обещая хорошо себя вести и не допускать больше ничего подобного. Больше – никаких цареубийств, хватит! Я всё понял и больше ни одного царя не убью. Кажется, только прочитав это прошение, понял я всю силу власти Исиды, всю неспособность человеческого существа противостоять этой силе. Охота на русского царя-батюшку – явление, подобное крестовым походам детей, преследованию ведьм в Европе, аутодафе, бунту боксёров-фокусников в Китае и сходных массовых безумств, порождаемых Исидой. Ну, а в России, можно ли было противостоять этой силе? Остался бы живым царь Александр, не пойдя он войной на Турцию в 1877 году? Миновала бы Россию та страшная востроносая кикимора со своим роковым платком, которым она вызывала свои жертвы из их убогих хижин? И, наконец, главное, удалось бы сохранить бесценные армянские жизни, если бы не рейды моих охотников по турецким тылам? Теперь, когда человек с говорящей фамилией Победоносцев возобладал надо мной в борьбе за власть в Империи, мне остаётся только искать ответы на множество вопросов, которые задала жизнь. И помилуй меня Господь от нахождения этих страшных ответов, к которым подводит опыт. Простой, житейский и политический. Причиной моего политического и жизненного краха стала смерть Государя Императора. И вот ещё один вопрос – могли ли эти люди, консерваторы, непреклонные защитники режима самодержавия, помешать случившемуся первого марта тысяча восемьсот восемьдесят первого года? Если могли, то почему не помешали? Имела ли горечь потери отца привкус сладости расплаты за страдания матери? Ну, хорошо, пустые обвинения скрыты за этим вопросом, только очень циничный, нехороший человек может задаться подобным вопросом. Ладно. Но Победоносцев, был ли он настолько любим удачей, чтобы террористы убили императора за день до подписания им моего проекта либерализации власти, которого Победоносцев боялся, как жених кастрации? Сейчас, оборачиваясь назад, я понимаю, как много было допущено мной, лично мной, роковых ошибок, вместе с тем мысль о бессилии человека перед судьбой и колдовской силой Исиды внушает утешительную горечь – всё равно сделать было ничего нельзя. Нельзя было спасти шестидесятидвухлетнего государя, загнипнотизированного несбыточной мечтой – любовью на склоне лет. Нельзя было хотя бы облегчить страдания восхитительно праведной супруги его, старенькой Золушки из Дармштадта. Также нельзя было удержать души бомбистов, Софьи Львовны и Андрея Ивановича Желябова, от порыва прочь из их молодых тел в тот мир, где никого не надо убивать, где нет ни бомб, ни террора. Впрочем, то, что я мог сделать для прекращения террора, я всё-таки сделал, хоть и с запозданием, но сделал. Я отложил на целых шесть дней казнь Софьи Перовской и её любовника Желябова с тем, чтобы дать им обратиться ко всем, вставшим на путь террора, с увещанием оставить этот путь. Но сжигавший их огонь был негасим. Они не оставили дороги в ад, не встали на путь примирения, они предпочли сгореть и от сотрудничества с законом отказались. Конечно, будь у меня прежние мои дик-

таторские полномочия, думаю, после такой удачи, как случайный арест Желябова, мне удалось бы переломить ситуацию, разгромить всё змеиное гнездо и, как минимум, сохранить жизнь Государя Императора. Особенного ума тут не надо было, дело обошлось бы без тяжёлой артиллерии армянской хитрости, простой житейский расчёт, этого бы хватило, чтобы раздавить змеиное гнездо, всё было очень просто. И вопрос не в том, как нужно было действовать, это слишком очевидно, вопрос заключается в том, насколько цесаревич и Победоносцев были заинтересованы в сохранении драгоценной жизни монарха. Подспудно в душе цесаревича владычествовала обида за преданную мамá, а о Победоносцеве и говорить нечего – для него смерть Государя означала переход власти от меня к нему. Этот переход уже начал осуществляться, я уже не мог предпринять необходимых мер по спасению жизни Государя. Я – охотник, и знаю, что при исчезновении главара стаи его место занимает волчица, всегда более хитрая, более смелая и более жестокая, чем самец. Нужно было начать переговоры с Перовской о прекращении террора в обмен на жизнь её любовника, Желябова. Я сумел бы обмануть женщину, и Победоносцев знал это. Знал и сумел доказать царю и цесаревичу, что негоже доверять «армяшке» дела максимальной важности. Я понимал, что двадцатисемилетняя женщина, спящая в одиночестве – удобный объект для манипуляций. С ней нетрудно будет договориться, одиночество – огромная сила, и её одиночество в тот момент должно было помочь. С другой стороны, это её молодое, но зрелое одиночество так легко трансформируется в отчаянную ярость и храбрость, что путь от доброй сестры милосердия до той свирепой кикиморы с белым платком в руке будет краток и стремителен. Появление кикиморы, взмахнувшей колдовским платком, сломало судьбу всей империи. Ещё раз напомним слова гениального охотника: *«И станет смерть среди бедных сел гулять, чтобы платком из хижин вызывать»*. Не только из хижин, но и из карет. Возможно, самые тяжёлые потери понёс я сам. Взошедший на престол наследник не подписал приготовленные мной к подписанию бумаги об изменении политического уклада, главное же, мне не удалось создать в России армянское военно-политическое сословие, подобное турецким янычарам или японским самураям. Больше того, возникла прямая опасность замирения Анкары с Москвой, замирения, несущего огромную опасность не только для армянского народа, но и для всего мирового правопорядка и равновесия сил с центром в Европе. Мне не удалось увлечь армянских юношей большой политической игрой, их влекла торговля, а вспышка воинственного честолюбия наших великих героев – Бебутова, Лазарева и других – угасла, кажется, навсегда. Но, несмотря на очевидное, надеюсь на возврат героического народного духа, дремлющего, но бессмертного.

06. 02. 21